

ПЕРВЫЙ БРИГАДИР

1

До завтрака Андрей вышел из дому и отправился к бригадиру. Опять ему не было наряда на работу: ни ему, ни матери. Когда бригадир шел по избам оповещать о работе, Андрей просмотрел его, пропустил и теперь должен был идти к нему домой, узнавать, почему тот стал обходить их дом.

Шел март. Дни стояли солнечные, воздух прогрело, и хотя кругом лежал еще снег, мороз быстро убирался с восходом солнца, и теплом веяло над полями, и с каждым днем все больше появлялось темных провалов в насте. Снег сходил с бугров, и на перепаханных под зябь полях пробивались черные комья.

Это утро тоже выпало погожим. От яркого солнечного света слепило глаза. На деревьях у скворечников надрывались криком воробьи. Тревожно кричали гуси и утки, искавшие воду. Андрей задержался на дороге, посмотрел на свои скворечники. Один скворечник был на тополе. Его сделал еще до войны отец, Андрей лишь сменил порожек и дно. Второй скворечник он сам сколотил из лотков от рассыпавшейся кадушки. Скворечник получился громоздкий, и на него часто засматривались галки, пока не прилетали скворцы.

«Надо залезть, почистить, — подумал Андрей. — Теперь скоро прилетят скворушки».

— Порадуйтесь, пока нет хозяев, — сказал Андрей воробьям. — Потом от вас только перья лететь будут. Они вам повеселятся.

Андрей пошел по деревне. Всюду кудахтали куры, перекликались петухи. Потемнели сады. Над избами поднимался дым из труб. Людей не было на улице, лишь с нижней окраины деревни шла за водой Танька Казакова с коромыслом на плече.

Андрей посторонился к обочине дороги, остановился. Танька, еще не дойдя до него, заговорила:

— Здравствуй! Далеко направился чем свет?

— Здорова была, — ответил Андрей. — На ваш край пробираюсь. Захарыч, не знаешь, дома?

— Не проходил еще. А может, и дома — не видала. Сходи...

— Да ладно. Потом, — ответил Андрей. — Тебя провожу.

— Ну, проводи, — согласилась Танька и переложила на другое плечо коромысло. — Докудова провожать будешь?

— До колодца и назад, — ответил Андрей. — А где же Захарыч сидит? Он теперь до обеда не вылезет. Приучили его, кормят, — он и

работать перестал.

— А что ему делать-то? — спросила Танька. — Зимой снег задерживать посылал, корм скотине возили, а теперь жди, как половодье пройдет.

— Сейчас жди, а потом схватится, да некогда будет делать.

— Переделается, — ответила Танька и свернула с дороги.

Колодец был у дома Андрея. Был он глубокий, и воду из него брали немногие: веревка требовалась длинная, но коноплю уже не сеяли ни на своих огородах, ни в колхозе, не из чего было вить веревки. Иные считали, что лучше сходить подальше, чем нести с собой лишний груз, а иной боялся утопить ведро, — потом не достанешь.

— Принеси ведро, — сказала Танька. — Хотела в тот колодец идти, да неохота с тобой расставаться.

— Андрей вынес из избы ведро с длинной веревкой, опустил его в колодец и вынул полное воды.

— Пей на здоровье, — сказал он, перелив воду в Танькино ведро. — В нашем колодце вода вкуснее, а вы не ходите.

— Сюда веревка длинная нужна. А где ее возьмешь? На базаре, что ль, покупать?

— Купила бы, авось богатая.

Танька взглянула Андрею в лицо, улыбнулась смущенно и проговорила:

— Не смейся. Когда-нибудь разбогатеем...

— После половодья, — пошутил Андрей и снова опустил ведро в колодец.

На большой глубине плеснулась вода. Танька взглянула вниз, ахнула:

— И как ты не боишься нагибаться. Сорвешься случайно — и поминай, как звали.

Ты можешь сорваться, а я не сорвусь, — ответил Андрей, вытягивая наверх ведро.

— Почему это я могу?

— У тебя ноги короткие. Нагнешься черпать, от земли оторвешься — и ухнешь вниз головой.

— Вот я тут и не беру воды, — нашлась Танька. — Пей один, а я лучше в дальний лишний раз сбегаю.

Андрей стал черпать воду для себя. Танька поставила ведра под коромысло, спросила:

— Ну, тебя ждать или дома останешься?

— Что мне дома делать? Пойду, может быть, пой-
маю где Захарыча, работу выпрошу.

— Вот страдает о чем. Я тебе могу свои трудодни
подарить. Получать-то на них не густо.

— Спасибо, сам заработаю, — ответил Андрей.

Из избы вышла мать Андрея, сказала:

— Неси воду-то. О чем еще разговоры развел? Всю ночь шлялся
— не наговорился.

— Ночью я с другими разговаривал.

— Опять за шесть верст шастали? — спросила мать. — Обужу
трепать... Отца нет, остановить некому.

— Наш тоже с третьими петухами пришел, — сказала Танька.

— Ваш их и водит-то. Его-то хоть в солдаты скоро возьмут, а эти
еще сопли подтирать не научились, а тоже по чужим деревьям.

— Чем их подтирать-то? Платка нет, а рукавом плохо.

— В четырех деревнях бываете, и платочка ни одна не подарила?
— спросила Танька.

— Там везде девки жадные, — засмеялся Андрей. — А какие и не
видят, что нам платки нужны.

Андрей остался с Танькой. Она подняла на плечо коромысло с
ведрами и направилась к дороге. Ее позвала мать.

— Проговорила с тобой, — сказала Танька, — а дома вода нужна.

— Иди, — сказал Андрей. — Пойду Захарыча искать.

Танька остановилась, через голову переместила на другое плечо
коромысло, спросила:

— Вечером куда пойдете?

— Не знаю, — ответил Андрей. — Колька что делает?

— Уходила — на печке спал. Что ему делать? Как и тебе, поди, не
было наряда.

— Привет ему передай.

— Как же, век не видались, приветы шлют друг другу.

Андрей свернул с дороги к Хомяковым, сказал:

— Зайду сюда. Может быть, Захарыч тут курит.

— Вечером не ходили б никуда, — сказала Танька. — Своих
девок повеселили бы.

— Посмотрим, — ответил Андрей. — Если попросите получше,
то не пойдём.

— Придется просить. Вы такие.

колодца лед. Председатель остановил лошадь, подозвал Андрея, поздоровался с ним за руку и спросил:

— Не на работе?

— Не назначает никуда бригадир. И мать дома, и я. Сидит у Хомяковых, курит да кашляет, а наряда не дает.

— Да, — сказал председатель, — совсем он перестал делом заниматься. Сейчас дома он, не знаешь?

— Если дошел, то дома, — ответил Андрей.

— Ты можешь отложить свои дела? — Председатель кивнул на колодец.

— Могу. В обед сколю.

— Садись, сможешь мне его найти. Председатель пересел в санях, освободив для

Андрея место, тронул лошадь и заговорил:

— Андрей, а ты нашел бы ему работу, если бы он так к тебе пришел просить?

— А то нет. Он бы у меня дня не посидел дома.

И кашлять перестал бы сразу.

— Так-то зачем. Он больной. Но взялся, надо работать. Я его — где полегче.

— Дядя Иван, остановите у Хомяковых. Может быть, он еще не ушел.

Андрей прыгнул с саней, вбежал к Хомяковым. Там обедали. На скамье сидел Захарыч и молча смотрел в землю. Шапка на его голове была сдвинута на ухо и, казалось, падала.

— Захарыч, председатель тебя ищет. Пошли.

— Он меня ищет, так чего я пойду, — не поднимая головы, ответил Захарыч и спросил: — Где он?

— На дороге стоит.

— Тут можно выйти. А ты в посыльных у него? Андрей задержался в дверях, смерил взглядом

Захарыча, ответил:

— Посыльным не был и не буду...

— Пошли, пошли. Мешаем людям.

Андрей взглянул на обедавших. На столе стоял чугунок с картошкой, середину стола занимала большая миска с простоквашей. Все спешили есть, работали ложками друг перед другом так, словно они никогда не ели простокваши и картошки.

Андрей захлопнул дверь, вышел следом за Захарычем на улицу. С председателем разговаривала скотница Катя Ильинова.

Захарыч ходил, как будто привставая на носки. От сеней он направился к дороге бодрым шагом, протянул председателю руку:

— Ивану Гаврилычу мое почтение!

— Здорово, — не глядя на бригадира, ответил председатель и сказал Кате: — А вот сейчас и разберемся на месте, почему у вас на скотном беспорядок.

— Разбирайтесь. Нас, баб, никто слушать не хочет. Может быть, с вашего слова пошевелятся, — сказала Катя.

— Василий Захарыч, — заговорил председатель, — чем у тебя занимаются люди?

— Кто чем. Без делов никто не сидит, — ответил Захарыч.

— Без делов, говоришь, не сидят? Андрей обкалывал колодец, думаю, не по наряду...

— Своя инициатива, — подхватил Захарыч. — Колодец его, он за ним и должен смотреть.

— Андрей под замком его, что ли, держит? — спросил председатель. — Почему в дальних колодцах приходится воду брать?

— Не всегда, Иван Гаврилыч. Если кто черпает, то и здесь нальешь. Веревки нет длинной, — сказала Катя.

— Мужиков нет, свить веревку некому? Бригадир курит полдня с Дмитрием. Когда уж тут веревки вить!

— Их, Иван Гаврилович, не из чего вить. Конопельки-то немного сеялось, — возразил Захарыч.

— С такими работниками, как некоторые, не будем указывать, как раз посеешь. Дойдем, что и столько не посеется. Почему на скотном кормушек нет?

— Это их дело, — ответил Захарыч. — У них есть животновод.

— Люди сидят, а навоз не вывозится, к весне бригада не готовится.

— До весны еще далеко...

Долго переговаривались председатель с бригадиром. Катя ушла. Андрей тоже направился к дому, чтобы не слушать ругани. Председатель вдруг обернулся, позвал:

— Мальчик, Андрей, вернись. — И закричал на Захарыча: — Ты не одолжение делаешь, что бригадирствуешь! Грозишь, что никто не найдется на твое место, не возьмутся — ошибаешься! Вот будет бригадиром, Васильев! Сейчас же сдать дела...

— Дядя Иван, что вы... Не справлюсь я, не смогу.

— Сможешь! — крикнул председатель. — Сани делать можешь, и бригадой руководить сможешь. Все! Принимайся за дело. — Он

развернул лошадь и уехал.

Остался Андрей один на один с Захарычем. Стыдно ему было. Захарыч раскраснелся, смотрел вслед председателю, пока тот не свернул за деревню, потом выругался и заговорил с Андреем:

— Зря, мальчик, взялся за собачье дело. Тут мужику не сладить с народом. Вспомнишь мои слова — поздно будет.

— Ладно, — сказал Андрей и пошел к дому.

— Дела-то как будем передавать? — спросил Захарыч. — Тут и делов-то...

— После обеда приду, — ответил Андрей.

— Приходи. А то завтра с утра.

— Нет, приду после обеда.

— Ну, как знаешь. Напросился, где ж терпеть до завтра. — Захарыч повернулся и пошел снова к Хомяковым.

3

Дела от Захарыча Андрей принял быстро. Забрал бумаги, пересчитали сбрую, написали акт и подписались: Захарыч — против надписи «сдал», Андрей — «принял».

— Работай, бегай теперь, лайся с каждым, — вздохнув, сказал Захарыч и направился домой, привставая на носки.

Андрей от колхозного амбара пошел к скотному двору, осмотрел все, потом проверил сани — на ходу были лишь одни. Хозяйство бригады досталось ему небогатое: сесть да поехать, как говорится, не на чем было, но это не расстраивало его.

Дома сидела Катя и рассказывала матери Андрея, как председатель отчитывал Захарыча. Она зашла, видимо, давно и закончила рассказ:

— Тут-то, должно, он и поставил Андрюшку бригадирствовать — и верно сделал. Малый проворный, сметливый, а тот кашлем изошел весь.

— Ну-ка, не справится, — сказала мать:

— Э, да с чем? Пять волов да две лошади... Андрей вошел в избу. Разговор прервался. Катя и мать осматривали его в удивлении, словно он совершил неслыханный подвиг. Он сел на лавку, снял шапку, не зная, за что приниматься. Делать что-нибудь по дому он не мог, к колхозным делам не представлял, с чего приступать.

— Ну, что молчишь? — спросила мать. — Сказал бы, кем теперь стал-то. Не боишься приниматься?

— Не знаю, — ответил Андрей и потянулся к наушникам.

Радио молчало, был сбит детектор. Андрей тронул рычажок и

поймал музыку.

— Балакает? — спросила Катя.

— Поют, — ответил Андрей и протянул Кате наушники.

Она сдвинула с уха шаль, приложила радио, дивясь непонятному проникновению музыки из московских далей.

— Ну, малый, у тебя золотые руки! — сказала Катя. — Тут и играет, и говорит, а теперь запели. У Костика тоже есть, да тот мужик на войне побыл. Тебе-то откуда все знать?

Андрей улыбнулся, но промолчал. Первый детекторный приемник он сделал вместе с соседом. У того на московском аэродроме работал начальником радиомастерской брат, и он привез оттуда чемодан отслуживших — списанных деталей, проволоки, наушников, привез схему устройства приемника, свинец и серу для выплавки детекторных кристаллов. Андрей тоже побывал в Москве, съездил на аэродром, тоже привез разных отходов и за зиму смонтировал два приемника, но променял их ребятам: один — за фуганок, второй за отборник и шерхебель.

Мать разговаривала с Катей, а Андрей сидел и думал, с чего начинать колхозные дела. Председатель уехал и не сказал ни слова. Сам он понимал, что надо на скотном дворе навести порядок, но это работа для ребят и мужиков, а чем занять других, он не знал. До войны в колхозе работали все: старики назначались сторожами, вили веревки, чинили разный инвентарь, плотничали; старухи штопали веретья, подбивали у риги, у амбаров и скирд тока для молотьбы хлеба, поливали колхозный огород; у мужиков и баб была самая трудная работа — пахали, сеяли, убирали сено, рожь, овсы, ездили в извоз; ребята с девчонками помогали боронить пашню, когда начинались каникулы, пололи просо, поднимали пары, отвозили от молотилки солому, пасли лошадей и снимали в садах яблоки. Тогда было много мужиков, парней, теперь стало малолюдней. Ребята с девками вербовались в города, подростки уходили на курсы шоферов и комбайнеров. Старший брат Андрея заканчивал в Москве ремесленное училище, сестра уехала в Павлово-Посад в ткачихи. И сам Андрей думал поступить в то ремесленное, где учился брат, сходил с ним в заводской цех (брат учился на сталевара), взглянул на жаркий свет расплавленного металла, на пламя мартеновских печей и вернулся домой. Андрей хотел пойти по радио или электричеству, но не хватило образования, с пятью классами в эти группы не брали. Вначале он жалел, что не стал учиться, но потом перестал горевать.

— Что ж сиднем сидишь — работать надо, не рассиживаться, —

сказала мать Андрею. — Ты теперь забудь сидеть, на людях все время надо находиться, тогда из тебя получится бригадир, а так толку не будет.

— Сам знаю, — ответил Андрей и вышел в сени.

К вечеру Андрей сколотил себе стол и поставил у второго от двери окна. Он давно хотел поставить себе стол, еще с братом думали они сделать его, но мать говорила, что мешаться будет, что ставить негде: под окном она прядет, угол заставлен кроватью — и нет столу места. Теперь он занял место под вторым окном — и мать не сказала ни слова. Она сразу убрала с подоконника скалки, прялочные вилки.

Еще было светло, когда Андрей сел к столу и взялся за бумагу. В окно виделись избы запрудной слободы. Андрей стал думать о людях, что жили там. Им надо было давать работу, но не навязывая, а так, чтобы они приняли ее с охотой.

В крайней избе жила бабка с двумя дочерьми. Младшая была Андрею ровесницей. И он решил давать работу с их дома, по ходу солнца. Левее их избы солнце всходило, поднималось и катилось к закату. Теперь оно заглядывало в окно с проулка, заходило и лишь светило, не грея.

«Наряд работ, — написал Андрей, — на 20 марта 1949 года, по бригаде № 2».

Написав это, Андрей снова задумался. Всегда в нарядах писались вначале самая важная, трудная бота, ставились мужские фамилии.

«Поездка в лес за осинками, — написал Андрей. 1) Казаков Н. В.; 2) Прокошин Н. И.».

Четверых Андрей отправлял в лес, четверых ставил ремонтировать кормушки и стойла. Захарыча назначил на ремонт телег, потам вернулся к запрудной слободе и всех по ходу солнца нарядил на вывозку навоза.

Мать дала корму скотине. Пришел из школы братишка. Он учился в пятом классе, стоял на квартире в Погорельце, где была школа. Теперь заявился на выходной день, вошел и остановился у порога, присматриваясь к переменам в избе.

— Не узнаешь? — спросил Андрей.

— Как в сельсовете стало, — сказал Валька. — Один стол — председателя, другой — секретаря. Зачем ты его поставил?

— Нужно, — ответил Андрей. — Писать.

— Что тебе писать? Учился бы ты.

— Найдется, что писать, — ответил Андрей. — Все пришли?

— Все. Кто ж там останется?

— Ты завтра с ребятами поработать не смог бы? — спросил Андрей.

— А тебе что за дело?

— Я бригадиром стал, — ответил Андрей.

— Иди ты, — не поверил Валька. — А Захарыч куда делся?

— Не веришь? Посмотри вот, я наряд составил.

— Ну-ка?

Валька перечитал наряд, посмотрел на брата и отошел от стола.

— Ну что?

— А какую работу ты нам дашь? — спросил Валька.

— Плуга ремонтировать к весне. Надо муфты, колеса смазать, наточить сошники и отчистить отвалы. Как?

— Ребятам сказать надо... Я могу... Уроки только сделаю. Или схожу сперва к ребятам.

— После ужина сходишь, — сказал Андрей.

Солнце село. Но долго еще держался, затухал мартовский свет вечера. В избе зажгли лампу. Мать поставила на стол похлебку и молоко.

— Хлеба нет, — сказала она. — Завтра чего-нибудь спеку, пышечек. Последнюю мучицу смела, картошки натру...

Еще ужинали, когда пришли ребята, собрались и подростки, и малыши. Друзья Андрея прошли к окнам избы, к радио, к его столу, маленькие столпились у двери.

— Куда собрались-то? — спросила мать.

— Пойдем куда глаза глядят, — ответил Колька. — В четыре деревни наказывали приходить.

— А лучше бы никуда не ходить. Обужу трепать. А тебе-то теперь и вовсе не след ходить, — повернулась мать к Андрею. — Тут веселье можно устроить.

В сенях зашумели. Кто-то искал на двери скобку.

— Откройте, — сказал Андрей мальчишкам.

Их несколько разом бросилось на дверь, но толкнуть ее опоздали: дверь растворилась, и они вывалились в сени. В сенях завизжали девчата и со смехом вошли в избу.

— Вот вам и вечеринка, — сказала мать Андрея. — Пляска и веселье свое, а то прись за семь верст киселя хлебать.

Ребята смотрели наряд. На работу их посылали часто. Захарыч больше направлял женщин. Все вдруг заговорили, заспорили, у кого лучше работа. К ним подошли девчата. Андрей взял гармонь,

скомандовал:

— А ну, кто в Погорелец, встать!

До Погорельца семь километров. На вечеринки туда ходили от случая к случаю и то лишь на большие концерты, когда оповещал сельсовет. Ребята не двинулись с места, лишь оживились малыши, согласные идти с Андреем.

— Куда, куда тебя понесет! — встала на пути Андрея мать. — Ночь — и даль такая!

Андрей рыкнул на гармони и сел на лавку.

— Раз соберешься, и то не пускают.

— Вот и хорошо, — обрадовались девчата. — Правильно, тетка Наташа!

— Нам поиграйте.

— Дома сами хозяева, а в чужой деревне у порога стоите, — сказала Танька.

Девчата рассмеялись. Андрей отдал гармонь Кольке, а сам взял из Валькиной сумки учебник литературы, стал листать, пересматривать картинки...

4

Андрей не любил, когда в их дом сходились на вечеринку. Дома он не мог быть свободным, стеснялся матери и сидел весь вечер скованным, мало двигался и мало говорил. На гармони он тоже играл мало, нехотя. Заменял его в игре Колька, научившийся играть на этой же гармонии. Но ребята часто сходились к ним: у них изба была с деревянным полом.

До войны в их деревне не было таких полов ни в одной избе. Насыпалась земля с глиной, трамбовалась, — и пол готов. Андрей с братом разрыли в поле блиндаж, когда война подходила к концу, перекололи осинки с наката вдоль, обтесали и первыми в деревне настлали в избе настоящий пол, деревянный. Андрей тогда еще был мал держать в руках топор, но без его помощи брат не обошелся: вместе пилили двуручной пилой, когда у сестры и матери не было времени, вдвоем носили горбыли, отбивали кромки шнурком, ладили настил. Тогда все приходили смотреть пол, так хвалили, что надоело слушать похвалы.

Андрей еле дождался ухода ребят, лег спать, но уснуть сразу не смог. Жизнь его изменилась, стала иной. Раньше ему не надо было думать, что наступит утро и что-то надо будет делать. Тогда он мог спать сколько угодно, мог встать в любое время и заниматься определенным делом. Теперь все было незнакомо. Он должен был

идти к людям, говорить им, что надо делать, чем заниматься, не для себя, не для дома, а для всех, на общей работе...

Проснулся Андрей раньше обычного. Утро было пасмурное, но теплое. Воздух отдавал весенней сыростью.

Раньше Андрей в любую избу заходил свободно, без стеснения, теперь же было неловко переступить чужой порог, словно шел просить у людей милостыню. Прежний бригадир обращался к каждому привычно: взрослых по отчеству, молодых по именам или ласкательно: «Голубчик, голубушка, детка». А Андрей и здороваться не был привычен, все казалось, что не тем тоном говорит «здравствуйте», без присказки, без подхода.

Уходя от дома, он решил быть строгим со всеми, не упрашивать, не сообщать о работе, а приказывать работать, вошел, приказал и вышел, — потом пусть только кто посмеет не выполнить приказа. Он решительно подошел к соседней избе, но поскользнулся на наледи у порога, еле удержался, не упал. Повернув ручку вертушки, надавил дверь, но она не поддавалась. Не открылась и при другом положении вертушки. Хотел постучаться, но отошел от порога и взглянул наверх. Над трубой клубился черный дым и оседал на крышу.

«Вроде печка топится, а не открывают», — подумал Андрей и ударил в дверь ногой.

За дверью что-то упало. Дверь растворилась. Из сеней в хлев бросились овцы с ягнятами. Перед Андреем лежали вилы, а вертушка оказалась сломанной. Андрей взялся за скобу избяной двери, крикнул, можно ли войти, и переступил порог.

В избе было темно. В нос ударило запахом сажи. Под потолком кто-то скребся и слышалось глухое ворчание.

— Ничего не видеть, — сказал Андрей. — Есть тут кто?

Откуда-то издали, словно из-за стены, ему ответили:

— Есть, есть. — И вдруг рядом: — Чтоб ее черт взял. Дотопить не дала — загорелась. Пришлось заливать дрова да вычищать.

— Сажа загорелась? — спросил Андрей.

— А что еще загорится в трубе?

— Может потолок заняться.

— С чего потолка заняться. — Хозяйка чихнула несколько раз. — Хотела веник протащить... зацепился в трубе... залезать пришлось.

Андрей тоже стал чихать.

— Вторую веревку надо, — сказал он.

— Где ее возьмешь... В трубу пришлось лезть с головой. Выйдем, пускай сажа осядет.

Андрей не притворил за собой сенную дверь. Овцы вырвались на улицу, бежали от двора к двору.

— Задал ты мне делов, — сказала соседка. - Одна теперь их не загонишь, — ребята еще спят.

— Помогу загнать, — ответил Андрей и, взглянув на ее лицо, рассмеялся.

— Ай грязная? — спросила она. — Смеешься-то? Оботрусь, умоюсь. Так вот трубы и чистят...

Она развязала платок, поплевала на уголок и стала отирать сажу, еще больше размазывая ее по лицу. Андрей прервал смех, сказал:

— После наведешь красоту. Давай овец загоним, а то мне некогда.

— Какие у тебя дела?

— На работу людей посылать.

— С чего это?! — удивилась соседка.

— Как с чего? Я теперь бригадиром. Не слыхала?

— Право, нет! Да кто тебя поставил? Верно, смеешься.

— Что мне смеяться. И наряд с собой. — Андрей вынул из кармана листок бумаги, развернул и прочитал: — «Кузьмина Анна Ивановна. Возить на салазках навоз».

— Ай правда?! Не верится, малый. Дай-ка мне самой поглядеть?

— Гляди. — Андрей поднес к ее лицу листок. — Читать-то умеешь?

— А то нет! Малый, еще и тебя поучу. — Она рассмеялась и спросила: — Много народу-то будет?

— Все пойдут, — ответил Андрей.

— А запрягаться-то парами или по одной?

— Как сговоритесь, — ответил Андрей.

— Ну-ну, отозвалась соседка. — Только меня салазки сломаны. Колхоз снабдит салазками-то?

— Где он их возьмет. Наши бери, — ответил Андрей.

— А с горы понесу, растреплю, что тогда? Андрей понял, что соседка «чешет язык», говорит несерьезно. А она была остра на язык, умела притворяться, будто не понимает, что от нее требуют, и часто смешила людей, когда бывало не до смеху. Он нашелся, ответил Анне:

— Чтобы не растрепала, шлею подвяжем. — Повернулся и пошел дальше, но обернулся к ней, спросил: — Не сказала, пойдешь или нет?

— Как успею дотопить печку.

— Успеешь, — сказал Андрей. — Вилы не забудь.

— Память не пропивала, не забуду...

Не скоро Андрей обошел все избы. Думал враз обернуться домой и пробить в рельс выход на работу. В каждой избе приходилось тратить время на разговоры. Спрашивали, за что сняли из бригадиров Захарыча, — мужик-то он неплохой, покладистый, с таким народ не пропал бы, — другие дивились, что с таких лет Андрея поставили править народом, справится ли, дело трудное, с каждым надо сговориться, к каждому нужен свой подход; в иной избе сажали завтракать, обижались, что Андрей отказывался, уходил, но на работу выйти обещали, хотя сомневались, что из такой затеи (мол, возить навоз в поле на салазках — все равно, что носить на гору решетом воду) что-нибудь выйдет; задерживался Андрей и с девушками, вступал в разговор с парнями, и когда он подошел к дому, мать встретила его удивленно:

— О! Надо же, сколько ходил, пороги считал. Это не дело. Пусть люди в правление к тебе ходят. — Небось и завтракать где заставляли?

— Заставляли, — признался Андрей.

— Смотри! Возьмешься за ложку, потянешься и за стаканом. Тем и кончится твое бригадирство, — предупредила мать.

— Не потянусь, — ответил Андрей.

— То-то... Ну, я пойду, а то сколько ж дома сидеть.

Андрею показалось, что неловко будет, если его мать первая выйдет на работу, скажут, что для сына старается, хотя она никогда не плелась на работу в хвосте.

— Ты не ходи первая, — сказал Андрей, — а то подумают...

— Что подумают? Испугался. Поди, в других бригадах все уже в поле. Не помнишь, как до войны ходили?

Через дом на раките висел обломок рельса, в него бригадиры звонили перед выходом на работу, собирали народ на собрания. Андрей направился было звонить, но вернулся: с окраины уже шли люди с вилами и салазками...

К вечеру большой участок в поле чернел от кучек навоза. Весь день в деревне стоял шум. Работали люди со смехом, с шутками. Андрей лишь в обед зашел домой, пообедал и снова вышел к скотному двору. Он ждал приезда председателя, втайне надеялся, что его Иван Гаврилович похвалит за такую работу и подскажет, что делать дальше. Но председатель не приехал. И вечером Андрей

оказался в затруднении, не знал, какой давать наряд людям.

— Посылай куда-нибудь, — подсказала мать. — Одних заставь снег с двора сбросить, другие пусть сток на пруду пророят — вот тебе и работа. Погоди, а снег задерживали ветками, собрали их? Молодым и не придумаешь веселее работы.

Андрей улыбнулся, сказал:

— Тебя бы председателем, — кипели бы дела!

— И кипели бы! — подхватила мать. — У меня еще ничего из рук не вырывалось. Одна беда — грамоты мне не хватило.

— А тебя что, в школу не пустили? — спросил Андрей.

— Как бы я пошла. Мы у отца сиротами остались... Восемь человек. Из девок я старшей была. А школы-то тогда у нас никакой не было, — барыня собирала, учила. Она столько раз приходила, отца упрашивала... Он-то и отпускал меня, а я сама отказывалась, — печку топила, за ребятами смотрела. Я рано работать начала...

На улице слышались голоса. Андрей вскочил с места, схватил гармонь и, накинув фуфайку и шапку, выбежал на улицу.

— Куда ты подался? — крикнула вслед мать.

— Валька, — обернулся Андрей, — одевайся и выходи, догоняй меня.

— Ну, загорелось, — проговорила мать. — Беги догоняй.

Андрей растянул гармонь, заиграл и пошел вдоль деревни, а когда Валька догнал его, он передал брату гармонь, сказал:

— Иди к кому-нибудь, а то опять к нам сойдутся.

— К кому я пойду? — спросил Валька.

— Дуй к Хомяковым, — Андрей подтолкнул брата в спину. — У них изба просторная. Повеселишь их. Они любят веселье.

Валька зарычал гармонью и пошел к Хомяковым, Андрей вернулся домой писать наряд работ на завтра.

Неприятности начались у Андрея на второй день. Раньше обычного он стал обходить деревню. Шесть колхозниц вдруг отпросились с работы, надо было идти в кооперацию за солью и керосином. Андрей растерялся. Все было рассчитано, расписано — и вот разлад. Трех он отпустил вначале, но потом зашел снова и сказал, что не отпускает, что во вторник даст подводу и все, кому нужен керосин и соль, могут ехать на подводе. Потом был неприятный разговор с Захарычем. Андрей вписал его в наряд отремонтировать телеги, но когда сказал ему об этом, Захарыч залился краской, метнул злой взгляд на Андрея, ответил:

— Я, мальчик, топор в руках держать не умею. Поищи

плотников.

— Чего там уметь-то? — удивился Андрей. — Если бы новую делать, а так посмотришь, как на другой сделано...

— Я непонятливый, тугой на ум.

— Я там буду, помогу, — пообещал Андрей.

— С таким условием — ладно, — согласился Захарыч.

Хомяковы рано ушли в Галунь собирать задаток за пастьбу. Андрей постоял в их избе, помолчал. Троице из них был наряд на работу. Семена Дмитриевича он ставил вить веревки для колхоза. В колхозном амбаре нашлась пенька, когда-то ею затыкали щели в карнизе. Сережка должен был сбрасывать со скотного двора снег, а Иван — ремонтировать бороны. Они ушли.

Андрею представился их путь. Дороги до соседней деревни не было, если только не протаял давний следок. Они четыре километра идут снегом, утопают, где ослаб наст. Отец бредет впереди, за ним поспевают ребята. Идут собирать задаток. Потому, наверное, и нравится Семену Дмитриевичу пастушить, что до работы можно получать часть заработка. В колхозе вначале работают, а потом ждут, дадут ли что на трудодни. До войны с первого обмолота давали на пироги, сразу две подводы от деревни ехало на мельницу, потом все ели пироги из новины, как назывался хлеб нового урожая. После войны этой новины какой год не было, разве когда со своего огорода снимут...

— Вечером вернутся, — сказала Домна. — А тебе нужны они?

— Работу я им дал, — сказал Андрей. — Колхозу надо бы помочь.

— Этак и надорваться можно. Шел бы тоже в пастухи. Дед говорил, там рядом деревня большая — пастуха ищут. Подпаском кого-нибудь из наших взял бы.

Она стала зевать, глядя в раскрытую печь, Андрей угадал, что ей лень затапливать ее, — был бы Семен Дмитриевич, он затопил бы. Андрею вдруг сделалось тоскливо, захотелось поскорее уйти.

— Посиди, — сказала Домна. — Захарыч у нас любил сидеть.

Андрей, глядя на неметеный земляной пол, на котором вечером отплясывали девчата, попятился, вышел из избы, вдохнул свежего воздуха, пришел в себя и, плюнув, пошел дальше.

Работавшие в прошедший день спрашивали у Андрея, что он им записал, по сколько трудодней начислил. Он же еще ничего не начислял, не знал, как оценить работу. Справочник по начислению трудодней, который передал ему Захарыч, был до-военный, и

расценки по вывозке навоза были даны на лошадиные работы, на тонны. Андрей не знал, как учитывать вес навоза. Мать сказала, всем огулом поставить по два трудодня, чтобы люди были довольны, но он не решился. Теперь же, обойдя все избы он присел к столу и проставил за вывозку навоза против каждой фамилии: «2 тр-ня».

Трое, которых Андрей вначале отпускал в кооперацию, не вышли на работу. Он видел, как они уходили огородами на Гринево, словно украли что-то, делали крюк. Его взяло зло, но он промолчал, не стал их останавливать. Среди них была и соседка Анна. А Захарыч пришел плотничать без топора. Он примостился перед солнышком на оглобле и сидел, словно дремлющий голубь.

— Как, Захарыч, работать будем? — заговорил Андрей. — Солнце скоро к обеду подойдет.

— А подойдет, пообедаем, — ответил Захарыч. — У меня, мальчик, топора нет.

— Как нет?! — удивился Андрей. — А чем дрова рубите?

— Тем не наплотничаешь, милый. Ты бы посмотрел на него... Кхе-кхе... — Он хотел что-то сказать еще, но кашель помешал, и вместо слов он покачал головой.

— И опять на Андрея напала прежняя скука, как у Хомяковых. Он постоял над Захарычем, сказал ему:

— Иди домой, Захарыч.

Захарыч отрицательно качнул головой, дал знак рукой подождать, потом проговорил с перерывами:

— Отпустит... что-нибудь тут... кроме... поработаю.

— Ну, сиди тогда, — сказал Андрей. — За своим топором схожу.

6

Вечером Андрей решил собрать бригаду. Еще днем он объявил, чтобы все после ужина пришли к ним в дом, будет собрание. Мать раньше обычного стоговила ужин, вымыла пол, у окон повесила расшитые полотенца, словно в праздник.

Андрей посидел за столом, думал, как вести собрание, о чем говорить. Обычно, когда бывают начальники, выбирают людей в президиум, часто голосуют, пишут протоколы. Он не знал, надо ли и ему поступать так же. Надо или нет записывать, о чем будут говорить.

— Ругать кого будешь? — спросила мать.

— И ругать, и хвалить, — ответил Андрей.

— Не дуже ругай-то, — улыбнулась мать. — Не обык еще — и ругать. — Меня-то в руганые или хваленые поставишь?

— Ни в какие.

— Почему ж?

— Почему-почему... Скажут, свою мать нахваливает.

Может, и трудодни матери не надо писать, пускай задаром работает? Ну-ка, покажи мне твою бумажку. Сколько там мне поставил? Валь, посмотри-ка.

Валька направился к столу. Андрей убрал наряд под бумаги. На улице вдруг заговорили.

— Идут, — сказала мать. — Валь, отвори дверь, а то заблудятся в сенцах.

Первыми пришли девчата, в нарядах. На вечеринки так не наряжались. За ними подросли парни и мальчишки. Танька Казакова села у радио, спросила:

— Андрюша, послушать песенки можно?

— Слушай, — разрешил Андрей и перешел к обеденному столу, под лампу.

Колька взял гармонь, заиграл, девчата стали выходить на круг плясать. Потянулись в избу бабы, рассаживались по лавкам, прятались по углам, к печке. Пришла Анна Кузьмина и от порога заговорила:

— Соседка, что-то у вас темно-то? Ай керасину нет? Пришли бы — я в кооперацию ходила, принесла. Она лукаво смотрела на Андрея, ждала, ответит ли он что.

— Тебе с улицы показалось, — заметила Танькина мать.

— Весна скоро, Нюш, весна. Дожили до теплого солнышка. Немного осталось.

Андрей лишь улыбнулся на слова соседки. Мать подошла к лампе, прибавила фитиль, качнула банку.

— Керосину много, на вечер хватит, — сказала она и спросила: — Что там есть, в кооперации-то?

— Ой, соседка, всего много! — отозвалась Анна. — Хомутов особливо, да здоровые! На вола с рогами можно надевать. А лошади наши — любая проскочит через такой.

Бабы смеялись. Андрей хмурился. Анна продолжала плести:

— Мы с Наташкой хотели на двоих один купить, да денег не хватило, занять не у кого было. Так погоревали и вернулись ни с чем.

— Зачем вам хомут-то? Ай запрягаться будете? — спрашивали бабы.

— Запрягаться, — отвечала Анна. — Навоз возили бы. С хомутом-то вдвоем в сани бы — и грузи!

Андрей встал. Сразу замолкла гармонь, все притихли. Он осмотрел пришедших. От Захарыча были только ребяташки. Спросил у старшего:

— Вань, отец придет?

— Нет, — ответил Ванька и засмеялся. — Он на печке лежит.

— Уморился, — подхватила Анна. — Говорят, новых телег настроил.

— Вот хомут-то и пригодился бы.

— Ладно, — оборвал Андрей. — Потом поговорите.

— И то, — не унялась Анна. — Давайте выбирать, как его, почет-то, почет.

— Садись за стол, добровольцем будешь, — ответил Андрей.

— Куда меня, старую да страшную, — запротестовала Анна. — Помоложе выбери. Вон из девок посади.

— А может, так поговорим? — спросил Андрей.

— Да ну, всегда не так, а мы так, — загалдели бабы.

— Ай мы хуже всех?

— Некому, что ли, у нас посидеть за столом?

— Нинку. Пускай Нинка садится.

— И Катьку, из скотниц.

— Пустите их за стол.

— Избранные прошли за стол, важно сели. Андрей забыл, что надо из президиума выбирать председателя собрания и секретаря, что надо оглашать повестку дня. Он встал, произнес:

— Это...

На него смотрело много глаз, любопытных, внимательных. Они ждали чего-то необычного, нового.

— Ну, что ж ты, давай, — сказала Андрею мать.

— Не сбивай, — возразил он и добавил: — Начнем, что ли?

— Начинай, начинай! — поддержали бабы.

— Кого ждать? Пора.

— Погодите! — крикнула вдруг Танька. Все разом повернулись к ней. Она прижимала щам наушники, шептала губами.

— Что там, ай что важное сообщают? — спросила мать Андрея.

Танька кивнула головой.

— Частушку новую пели. Из-за вас прослушала.

— Тьфу, окаянная.

— Живот без частушек болит.

— Отнимите у нее наушники-то.

— Подумалось, не война ли опять.

Андрей дождался тишины, снова произнес:

— Начнем. Это... — Опять смотрели ему в рот, вырывали из памяти слова. И снова он спросил: — Начнем или не начнем?

— Начинай, какого ж идола ждать, — сказала Анна.

Девчата зашептались, донесся смешок.

— Прекратить там, — предупредил Андрей. — Начнем.

Засмеялись ребята. Вдруг растворилась дверь, вошли Захарыч, Костик и старик Маноха. Они осмотрели всех. Костик произнес:

— Оказывается, тут дело в разгаре. Опоздали.

— Садитесь. В самое время поспели, — сказала Анна. — Начинаем только.

Ребята засмеялись. На них зашикали.

— Начнем, — заговорил Андрей.

Казалось, взорвалось что-то. Не смеялись лишь трое мужиков и сам Андрей. Мужики не знали причины смеха. Андрей тоже не подозревал, что смеются над ним.

— Во вторник, — при шуме сказал Андрей, — кому надо, поедут на волю в кооперацию за солью и керосином.

Андрей повертел бумагу. Что-то он записывал, но прочесть не мог, надо было говорить, и он стал продолжать:

— Кто возил вчера навоз, всем поставил по два трудодня...

— Не много ли? — не удержалась Анна. — В правлении небось срежут.

Андрей взглянул на соседку строго, не ответил ей.

— Еще скажу: Кузьмина Анна Ивановна, Лежнева Наталья... и Пахомова Варвара Григорьевна...

— Тройка резвых, — вставила Анна.

— Все трое сорвали нынче наряд, самовольно ушли в Погорелец...

— Глупые бабы, — снова не смолчала Анна.

— В другой раз, — произнес Андрей и запнулся. — Надо брать пример с таких, как... Захарыч, вот. Больной, а пришел на работу и телегу отремонтировал.

— А говорят, сам бригадир за него тюкал весь день топором, — заметила Наталья Лежнева.

— Не тюкал. Помог только, — пояснил Андрей, хотя действительно в ремонт телеги Захарыч мало вложил труда.

Захарыч махнул рукой, мол, нечего о нем говорить. Не ругали б, а то в пример ставят.

— У меня все, — объявил Андрей и спросил: — Кто хочет

выступить?

— И только-то?! — удивилась Анна. — Стоило из-за тройки всю деревню собирать. Поругал бы зашел каждую, поняли бы. Другая, глядишь, и поплакала бы.

Бабы засмеялись, одна сказала:

— Из Нюшки выдавишь слезу, как же.

— Так я и покажу вам свои слезы.

— Еще скажу, — вспомнил Андрей и встал. — За нарядом теперь сами ходить будете, а то нынче одна помоями меня облила. — Бабы засмеялись: «Кто ж это тебя?», «Спросонья, наверно». — Наряд будет висеть на ракетке, где звонок.

— Давно так надо, — поддержала Анна. — Ты хоть молодой, еще можешь пороги наши обивать, а Захарыч... Бывало, к концу-то через порог уж не одолевал перелезает. Пока войдет, вся изба выстудится.

Бабы засмеялись, стали приговаривать, кто — что. Андрей снова спросил, не хочет ли кто выступить. Поднялся дед Маноха:

— У меня соображение такое есть. Нам про мир что-нибудь сказали бы. Что делается на миру-то, война где с кем идет, али тихо повсюду?

— По этому делу лектора надо вызвать, — ответил Костик, — или заранее подготовиться. Это тебе не про соседа посплетничать, а международное положение. Понял?

— Да ить я так, — ответил Маноха. — Скушно, глядишь, расходиться не хотца.

— А это, — снова взял слово Костик, — надо бы записать в протокол. Записали бы, что колхозники бригады номер два постановили и приняли то-то и то-то. Кто что сказал — на карандаш, а то, что собирались мы тут, что не собирались.

Дед Маноха замахал руками:

— На кой ее писать. Я так сказал, промеж всеми... Писать стань — и слова потом не скажи.

— Договоришься на старости лет, — рассмеялась Анна. — Ему теперь нечего бояться.

— Сидел бы, сосед, — сказал Захарыч. — Тут без нас с тобой во всем разберутся.

— Я и сiju, — ответил Маноха. — В кое время слово сказал, да и то промеж всеми.

Костик встал, сказал:

— А если кого интересуют новости, то передавалось, что должны на полях сажать лесные полосы, по пустошам, в оврагах чтобы тоже

деревья вырастить. Готовьтесь на это теперь.

— Вместо хлеба лес-то будет? — спросила Анна.

— Я объяснил понятно, кажется, — ответил Костик. — Говорю не о лесе, а о полосках, чтобы от ветра защита была полям, от оврагов, чтобы водой землю не размывало.

Послышалось одобрение. Оврагов вокруг было много, и пустоши были, где ни пахалось, ни сеялось, ни травы не росли. Только где взять леса-то на посадки?

— Лес предоставят. Об этом не наша забота.

Все заговорили. Андрей не знал, что делать дальше. Объявлять ли, что собрание закрывается, или ничего не говорить, и без этого понятно каждому, что оно закончилось. Его выручил Колька, скрипнул гармонью, и бабы обернулись к гармонисту, запросили поиграть, а девок поплясать. Некоторые тут же встали и направились из избы.

Постепенно разошлись все, кроме Костика с женой и Анны, да веселились девчата с парнями. И вдруг растворилась дверь, вошел председатель.

— Здравствуйте, — сказал он и снял шапку. Он был вспотевший, словно несколько километров прошел пешком. Во взгляде его было удивление, как будто он не узнавал никого. — Что это вы поздно сидите?

— Как поздно, Гаврилыч? — Костик встал, вынул из кармана часы. — Вечер еще.

— Неужели вечер? А я заблудился. Ехал-ехал.

Всё дорога была, а потом вижу, чье-то поле унавоженное. И пошел кружить по нему. Туда поверну — навоз, обратно поеду — те же кучки.

— Иван Гаврилыч, да это ж наше поле, — сказала Анна. — Вчера весь день навоз возили...

— Как? — он посмотрел на Андрея. — Там вроде много, конца не видать.

— Сумели, — сказал Костик. — С новым бригадиром. Через неделю приехал бы и деревню не узнал бы. Вот как дела делаются.

— А еще что делалось? — обратился председатель к Андрею.

— Он горячо взялся. Гаврилыч! — сказал Костик. Если так пойдет дальше, бригада к весне выйдет на первое место. Сейчас только собрание провел.

— И какой вопрос решался? — Председатель вынул платок, стал обтирать лицо, шею. — Выводить пришлось жеребца, перепотел...

Так какие вопросы?

— Вопросов много было, Гаврилыч, — сказала Анна. — Говорили-говорили, насили переговорили. Дед Маноха на что уж стар, а тоже с речью выступил.

— Да ну?! — удивился председатель и улыбнулся.

— Насилу остановили, так разговорился, — понесла Анна. — А на работу-то сами все бегут!

— Ну, это похвально! — отозвался председатель. — А я вчера не выбрался сюда, и прислать некого было. Наряд на бригаду не давал.

— Андрей сам справился, — сказал Костик. — У него глаз хозяйский. Начало есть...

— А молодежь, значит, веселится после собрания? — Председатель обвел всех взглядом и посмотрел на лавку.

— Гаврилыч, садитесь, — спохватилась мать Андрея. — В ногах правды нет.

— Что сидеть? — Председатель бросил взгляд на стол. — Тут молодежь веселится. Мы, может быть, пройдем к Константину Васильичу?

— Да-да! — согласился Костик. — Не будем мешать. Андрей, выходи.

Андрей вышел из-за стола, положил бумаги на свой стол и пошел следом за председателем и Костиком из избы...

7

Костик работал в колхозе кладовщиком. Жил он с хлебом. Председатель всегда заезжал к нему обедать, если бывал с кем-нибудь из районных представителей.

— Подай ужинать, — кивнул Костик жене. Председатель разделся вместе с Костиком, сел к столу. Костик сходил в сени, принес сала и бутылку.

— Нового бригадира, что ль, надо обмыть. Правда, приходится-то с него, но потом разочтется. Так, сосед?

Андрей качнул вбок головой, улыбнулся.

— Проходи, Андрюша, за стол, — сказала хозяйка. — Не подпирай притолоки, они не валятся.

Андрей сел на лавку в отдалении, но Костик усадил его за стол.

— Ты теперь должен быть наравне с нами — хозяин бригады. Это тебе не что-нибудь. Ты главнее меня, если толком разобраться. Я что? — протираю ключами карманы, а у тебя народ! Верно, Гаврилыч?

— Так, — ответил председатель. — Двадцать пятого всех бригадиров, звеньевых, животноводов вызывают в сельсовет на

совещание. — Председатель перевел взгляд на Андрея: — Предупреди всех заранее и сам подготовься, может быть, выступить придется.

— Ладно, — ответил Андрей. — А туда ехать надо или пешком?

— Пешком! Кто ж пешком ходит на совещания? Подкорми лошаденку получше, чтобы в грязь лицом не ударить.

Хозяйка подала закуску, стали ужинать.

К утру двадцать пятого марта на землю пал густой туман. С деревьев капало, снег разрыхлился. Андрей вышел на улицу. В воздухе сказывалась весна, Андрей услышал вдруг пенье жаворонка. Его охватила радость. Казалось, уже нет снега на земле, все покрыто зеленью. Он пошел в сад. Снег оседал под ногами, где-то долго и однообразно каркала ворона, в тумане ничего не виделось. Андрей осмотрел почки на яблонях и вишнях. Они оставались не тронутыми оттепелью. Он подошел к вербе. На снегу чернели одежки с барашков вербы. Верба раздевалась перед весенним теплом. На сирени почки разбухли, стали светло-зелеными, казалось, со дня на день распустятся...

Андрей вышел из сада, приколот к ракитке наряд, перечитал его. Ребят он отправлял в лес, решил по снегу запасти слеги на летний сезон для скота.

В деревне было тихо. Андрею представился лес. Там тоже тихо, лишь сороки кричат изредка да дятел стучит. Вокруг деревьев теперь образовались проталины, открылись старые мокрые листья, пробились травинки. Он пожалел, что ему надо оставаться в деревне, следить за работой. Ребята запрягут волов, будут баловаться в дороге и в лесу.

«А возьму и поеду с ними, — решил Андрей. — Тут без меня обойдутся. Семена будут сортировать — кладовщик проследит».

Вдруг из тумана донесся разговор, звякнуло железо. Шли за водой. Андрей хотел идти домой, но задержался. Он прислонился к ракитке, прислушался к голосам. Узнать по голосам, кто шел, не успел. Из тумана вышли трое. Девчата.

— Здравствуй, бригадир! — сказала Танька. Хорошую нам работу дал?

— Читайте, — ответил Андрей и отступил от ракиты. — Танька, вечером на совещание. Не забудь.

— Что ты! Я тебя и на работу не назначил. Часа в три выедем. Поняла?

— Можно и раньше выехать, — сказала Танька. — Я готова хоть сейчас. Только воду домой отнесу. А матери что делать?

— Сортировать семена. Колька в лес поедет. Скажи, я тоже с ними еду. Пусть собираются.

— Это уж передам. Воды нам не почерпашь? Андрей взглянул на девчат. Подошли еще с четырьмя ведрами.

— Сходите, девочки, на тот колодец. В этом на всех воды не хватит.

— Пожалел, — заговорили девчата.

— Знается, как бригадиром выбрали.

— Когда-нибудь и нам поклонится, как надо будет что-нибудь сделать...

Андрей ушел.

8

У сельсовета стояло много подвод. Андрей подумал, что опоздали, встревожился. Первое совещание — и опоздать. Не надо было ездить в лес с ребятами. Там забаловались, и сани занесло в овраг, вывалились слеги. Хорошо, что воз не был увязан, а то и вола утянуло бы. Интересного ничего в лесу не было, зря ездил.

Он наспех привязал лошадь, бросил ей сена и направился в помещение. Его оглушило, когда растворилась дверь. В сельсовете было многолюдно, накурено. Все разом говорили, перебивая друг друга. Андрей облегченно вздохнул, стал взглядом искать своих.

— Андрюшка, ты меня не бросай, — сказала Танька. — Вместе будем.

Андрей не ответил. Он остановил взгляд на книжных полках. Здесь же помещалась библиотека. Библиотекарша кричала:

— Не курите тут! Сколько можно говорить?!

Андрей, читая на книжных корешках фамилии авторов и названия, стал пробиваться ближе к перегородке, отделявшей стеллажи с книгами от прихожей. Танька уцепилась за руку, шла следом за Андреем, что-то говорила. Библиотекарша указкой стала стучать по перегородке. Ее никто не слушал.

— Здравствуйте, — сказал Андрей. — Чего они не подчиняются?

— А тебе какое дело?! — набросилась она на Андрея.

— Гроза какая, — проговорил Андрей, переводя взгляд на книги. Ему вдруг захотелось передержать все книги в руках, пересмотреть.

— Чего уставился-то? Делать нечего? — расслышал он голос библиотекарши. — Надо книжку, так говори, какую.

Андрей взглянул на нее, рассмеялся:

— Вот чудачка. Как будто я съем твои книжки?

— Будешь чудачкой. Народу много, а читателей — раз, два и обчелся... Хоть бы сказку кто попросил — интересно же.

— А сказки есть? — спросила Танька, выступая из-за Андрея.

Библиотекарша недоверчиво посмотрела на Таньку, спросила:

— Брать будешь? А то одни школьники читают.

— Ну и злая! — сказал Андрей.

— Сам ты злой, — ответила библиотекарша. Братишка твой сколько книжек перебрал, а ты...

— По-твоему, у меня есть брат, — сказал Андрей. — Может, скажешь, что их два у меня? Или три?

— Знаю все, не думай. — Разговаривая с Андреем, она подала Таньке сказки. — Бери и ты что-нибудь, все прочитаешь вечером от нечего делать.

— Вечером некогда, занят.

— На вечеринках?

— А то где еще... Вон та, толстая, как называется? — показал Андрей на верхнюю полку.

— А, это не по тебе. Карл Маркс. Учителя только берут, а ты не дорос еще. Снизу бери. У тебя сколько классов-то, пять?

— Ну и пять! — Андрей нахмурился. — Записывай ее! И Ленина одну запиши.

— А Энгельса не надо? — спросила библиотекарша. — Сталин есть, Калинин...

— Записывай, — решил Андрей. Библиотекарша встала на стул, потянулась под потолок за книжками. Народ вокруг затих. Некоторые подошли к библиотечной перегородке, смотрели, что здесь происходит, шептались.

Перед Андреем сложилась большая стопка книг.

Танька спросила:

— Как ты их понесешь?

— Вы поможете. Зачем я вас вез сюда? Кататься? Каждой по книжке.

— Я могу и три взять, — согласилась Танька. — Для бригадира чего не сделаешь — и в огонь прыгнешь! — добавила она.

Андрей взял книги, спросил:

— Сдавать через сколько дней?

— Как прочтешь. Можешь не спешить. Читай повнимательней, а то не поймешь ничего.

— Ладно! Пойдем, — ответил Андрей и отошел.

Двери, за которыми сидели секретарь и председатель сельсовета, то и дело отворялись и затворялись. Стали выносить скамейки и стулья, из угла выдвинули стол и накрыли красным полотном. Открыли совещание.

Андрей сидел в простенке, лицом к библиотеке. На коленях у него лежали книги. Он открывал их, смотрел на портреты, потом переводил взгляд на библиотекаршу, засматривался на нее. Танька, севшая рядом, одергивала его, предупреждала шепотом:

— Куда смотришь? Слушай, что говорят.

У библиотекарши были черные проворные глаза, на щеках то и дело загорался румянец, на носу пестрели редкие веснушки.

— Понравилась? — спросила Танька.

— Не приставай. Выдумала.

— По глазам видно. — Танька приблизила лицо к Андрею, зашептала: — Красивая девка. Только смотри, тут тебя могут избить. Узнай сперва про нее, не занята ли.

— Иди ты, — отнекивался Андрей. — Нужна она мне.

Он останавливал взгляд на председателе сельсовета, говорившем о задачах труженников сельского хозяйства. Андрей схватывал некоторые слова, но в предложения они не складывались, растекались.

«Мы должны... Предстоит сев... Поднимемся, как один...»

— Опять смотришь на нее? — предупредила Танька. — Иван Гаврилыч и то заметил, смеется над тобой.

Андрей встретил взгляд председателя. Он кивком подбодрил его, мол, слушай, мальчик, набирайся ума.

— Ладно, успокойся, — прошептала Танька. — Будет перерыв, я узнаю про нее. Она мне тоже нравится, хорошенькая. Только далеко тебе будет ходить на вечеринки.

— Недалеко, — сказал Андрей. — Что-нибудь можно придумать.

В перерыве Танька сразу ушла от Андрея. У библиотекарши вдруг началась работа, все стали брать книжки да просили подать с верхней полки. Андрей остался на своем месте, попытался читать, но книжки не давались. Читается предложение до точки, читается, а в голове ничего не остается. И еще мешало понимать прочитанное библиотекарша.

Она поднималась на стул, смотрела на Андрея и улыбалась то ли ему, то ли удаче в работе. На полках уже не стояли тесными рядами книги, между ними появились окна, иные книги падали, валили другие тома. Когда Андрей взглядом встречался с ней, она вдруг

забывала читателей, смотрела на него. Стоявшие в ожидании книги люди поворачивались, искали, на кого она засматривалась, переговаривались и снова смотрели на него, словно впервые видели человека.

Слева к Андрею подсел Иван Гаврилыч, заговорил:

— Ну, как тебе, не скучно на таком совещании?

— Нисколько, — ответил Андрей. — Даже понравилось.

— Вот и хорошо. Запоминай, о чем тут говорят, потом дома перед бригадой выступишь. И книжечек заодно набрал? Молодец! Что за книжечки?

— Андрей краснел. Многое от совещания пролетело мимо. Он уловил лишь, что надо в сжатые сроки отсеяться, надо поднять и использовать все. Он передал председателю книги:

— Посмотрите. Тут разные.

От порога, заметил Андрей, его звала Танька. Он качнул головой, передал, что не может подойти, потом пожал плечами. Но Танька еще настойчивее замахала руками.

— Иван Гаврилыч, можно мне выйти? — спросил Андрей. — Там, наверно, лошадь...

— А, да-да! На моего тоже взгляни — не отвязался бы, сани поломает.

Танька вышла в сени, отчитала Андрея:

— Ну и бестолковый ты! Сколько звать можно?! Для него стараются, а он... Чего тебе председатель? Не видался с ним год? Слушай, — Танька подняла к Андрею лицо, — узнала я все. Ирккой зовут. Живет, как от нас ехать, справа третий дом. Девочек тут много, а ребят не хватает. Понял? После собрания оставайся. Мы тебя за селом подождем... Только не долго — договорились?

У Андрея закружилась голова. Вернулся он на свое место, сел усталый от мгновенных переживаний.

— Ничего там? — спросил председатель.

— Где? — спросил Андрей.

— С лошадьми.

— С лошадьми ничего.

Председатель взглянул на Андрея, кашлянул:

— Ты не волнуйся.

— Я не волнуюсь, — тихо ответил Андрей. — Я просто...

— С первого раза всегда так. В район скоро съездим — привыкнешь. Еще и с трибуны выступать будешь. Хочешь здесь выступить? Я запишу тебя.

— А о чем выступать?

— Скажешь что-нибудь по ходу совещания. О новой культуре произнеси речь, мол, так и так, товарищи, я даю обязательство, что кок-сагызу посадим и вырастим... О лесе тоже скажи поскладнее.

— А что, и о лесе надо? — спросил Андрей.

— Скажи! Я тогда воздержусь. Не волнуйся только. А книжки ты взял правильные. Такие и надо читать.

Объявили о продолжении совещания. Подошла Танька.

— Звеньевых ты себе бедовых подобрал — молодчина!

Председатель приблизился к Андрею тихо, словно хотел чмокнуть его в щеку. От него неприятно пахнуло. Он был курящим, а теперь побывал в кооперации и перед совещанием выпил для подъема. Андрей отстранился от председателя, и он встал, уступил Таньке место.

Снова говорил председатель сельского Совета. Теперь он часто произносил слово «животноводство», но Андрей опять не мог сосредоточить внимание на его речи. Он переглядывался с библиотекаршей Ирккой, мысленно заносился в знакомстве с ней. Закончится совещание, он пойдет с ней по селу до ее дома, а потом будет ходить сюда, встречаться с ней каждый вечер.

Рядом шептались о кок-сагызе. Задали задачку: ни названия верно не выговорить, ни понять, как поступать, — где брать этот коксагыз, каким образом сажать, выращивать и убирать. Одного очень интересовал коксагыз, другой не знал о нем ничего и отвечал, что в конце совещания спросит, что и как. Они мешали Андрею думать. Он оглянулся. За ним оглянулись другие — и все повернулись к двери.

— Товарищи, что там такое? — спросил председатель сельского Совета. — Решается важный вопрос, а вы куда-то смотрите.

Послушал Андрей немного и снова задумался об Ирке. Самые лучшие книжки будет она ему давать из библиотеки, письма он будет ей писать и передавать с Валькой, когда не сможет прийти сам, — после половодья школьники будут ходить в школу из дома ежедневно, — и от нее будет получать ответы...

Говорили уже другие, а Андрей уносился дальше и дальше от совещания и увлекал за собой Ирку: он шел с ней по молодой траве к речке, стоял на мосту, перепела с коростелями перекликались вокруг...

Танька перебила его, толкнула в бок:

— Слушай!

...Андрей, бригадир колхоза «Красный броневи́к».

— Чего он? — спросил Андрей.

— Чего-чего! Выступить тебе, — сказала Танька. — Не слышал, что ли? Беги — ждут.

— Васильев Андрей, просим вас к трибуне, — сказал председатель сельского Совета.

Андрей поднялся, пошел к трибуне. Перед глазами все закачалось, сильно забило сердце. Наступал на ноги, валился на людей. Книжка выпала — нагнулся за ней, столкнулся с кем-то головой...

Он встал у стола, но его заставили зайти на трибуну. Держа в опущенных руках книги, Андрей скрылся за трибуной, лишь голова виднелась над ее краем. Ему помогли стать правильно, на подставку, книги взяли на стол и велели говорить.

— Товарищи, — сказал Андрей.

Ему показалось, что никто его обращения не расслышал. Он смочил слюной губы и повторил:

— Товарищи!

Он крикнул так громко, что все засмеялись.

— Не волнуйся, — шепнули Андрею из-за стола. — Я не волнуюсь, — ответил Андрей громко на шепот и взглянул на Ирку.

Она стояла и улыбалась ему. И словно от ее улыбки ему вдруг стало жарко. Он потянул ворот рубахи и, повернувшись к столу, заявил:

— Я не знаю, о чем говорить... не могу... это... не буду.

Вокруг смеялись. Андрей не знал, куда деться от стыда. Он мельком увидел смеющиеся лица. Не глядя на тех, кто был в президиуме, схватил книги и выбежал на улицу.

Андрей оказался без шапки, нараспашку. На улице было морозно — холодом охватило разгоряченное тело. Он прислонился к стене, боясь упасть, и стал запахиваться. По шуму из сельсовета догадался, что растворилась раз за разом дверь и кто-то вышел. Он не заметил, как подошла к нему Танька и надвинула на голову шапку.

— Какой-то ты чудак, Андрей, — сказала она. — Не мог двух слов связать. Да я им столько наговорила бы... Ир, правда, чудак?

Андрей встряхнулся, увидел и Таньку, и Ирку. Они стояли рядом.

— Зачем убежал-то? — спросила Ирка. — Сказал раз «товарищи», и говорил бы дальше, а то кричать вздумал.

Андреи уставился взглядом вдаль. Над крышами изб другой слободы зажглись звезды. Ирка что-то еще говорила, кажется, уговаривала не переживать, и Танька вставила новое слово. У него

перед глазами вдруг запрыгала звезда, затуманилась и исчезла, словно в чем-то потонула. Он понял, что у него на глазах слезы. Останешься здесь, услышишь от девчат еще что-нибудь, — не сдержать будет слез, польются с ресниц, расплачешься. И разом его потянуло к обычной работе, промелькнуло сожаление, зачем он взялся бригадирствовать, не его это дело, мал он еще, не дорос. Он оттолкнулся от стены, направился к саням и, положив книги, подбавил сена лошади.

Ирка подошла следом, спросила:

— Уезжать собрался?

— Уезжать, — ответил Андрей.

— Выдумал! — Ирка подошла ближе. — Сейчас совещание закончится, с гармонью придут. Веселье начнется. Пусть девчата ваши попляшут.

— А, чего мне тут...

— Не пушу все равно!

Андрей нарочно взялся за чересседельник. Ирка оттащила его от оглобли.

— Испугался? Думаешь, все-то сразу правильно выступают? Научишься, подожди.

— Нет, — ответил Андрей. — Это не мое дело.

Андрей не решился сразу входить в сельсовет, стыдился. Он присел на грядку саней, взглянул на Ирку. Она была в черных валенках-маломерках с закатанными голенищами, в куртке, платок был сдвинут на полголовы.

— Посиди, — предложил Андрей. Ирка присела.

— Я книжки оставлю, — сказал Андрей. — Ничего в них не понять.

— Эх ты. Не понять ему. Не читал еще, а говоришь. Дома сядешь, поймешь... Видал, глядя на тебя, все набрали книжек?

— Ладно, тогда почитаю, — согласился Андрей. — Сдавать принесу сам. Хорошо?

— А от других и не приму, — ответила Ирка.

— Половодье скоро, как тогда быть?

— И в половодье принесешь... Пошли! Дослушаем, на чем там кончится совещание. Не бойся. Я тебя загорожу. У дверей постоим.

Ирка взяла Андрея за руку и увела в сельсовет.

Утром мать не могла добудиться Андрея. Ночь он провел в бреду: то выкрикивал какие-то слова, то бормотал тихо, то вставал и шарил

по постели руками, искал что-то. Мать просыпалась, зажигала лампу, шупала у него лоб, потом пересматривала книжки и качала головой: «Надо же, каких толстых набрал! От них не только сон, а и голову потеряешь».

Домой Андрей пришел в рассветном часу. Чуть посветлело в окнах, когда он постучался. Книжки еще раньше завезли девки, об Андрее сказали, что он остался с председателем, скоро подойдет. Мать насилу дождалась его. Поверила девкам, а потом и усомнилась: что это ему делать столько времени с председателем. А и было бы какое дело, там и оставили бы ночевать. Она долго не решалась будить сына. Ходила бесшумно, не захлопывала дверь — притворяла. Но когда деревня проснулась, пришлось будить.

— Не был бы бригадиром — спи сколько угодно, а то народ пойдет, а наряд и не написан.

Андрей сменил бок, отвернулся от матери.

— Где, спрашивается, пропадал всю ночь? Каким делом занимался? Небось на игрищах был?

Андрей спрятал лицо в подушку. Вспомнил, где был, улыбнулся. Был в Погорельце, стоял у Иркиной избы, разговаривал, никак не мог уйти, расстаться. И если бы ее не позвала мать, наверное, не ушел бы. Он поворочался в постели, сел и воскликнул:

— Никак рассвело? Рано-то!

— Какое — рано. Вспомни, когда пришел-то. Поди, и согреться не успел.

— Я не замерзал. Дорогой нагрелся.

— Пешком шел? — спросила мать. — Что ж он тебя и не подвез?

— Кто — он?

— Председатель. Задержать — задержал, а лошади пожалел.

Андрей улыбнулся.

— Или ты не с ним был, смеешься-то. Эти дурехи-то, выходит, обманули?

— Обманули, — подтвердил Андрей. — Я сам задержался. — Он снова улыбнулся, вспомнив Ирку. — От Погорельца шагнул...

— И не боялся? — спросила мать. — А если волки или заблудился бы?

— Ничего ведь не случилось, — Андрей откинул попонку, сошел с постели и принялся поспешно одеваться. — Волков, мам, бояться — в лес не ходить.

— В лес-то тебя не дошлешься, — упрекнула мать. — Какая там холера тебя задержала?

— Да никакая, — улыбнулся Андрей. — Это так... Никто не приходил?

— Не приходили, а вот-вот придут. Пиши, кому что делать, вывешивай и — завтракать.

Андрей сел к столу и принялся писать наряд, но писалось долго, вдруг вспоминалась Ирка, он засматривался в окно, переносился в Погорелец, слышал ее голос, слова, загораживал ее от ветра. «Когда теперь придешь?» — спрашивала она, и он отвечал: «Завтра приду».

С обеда повалил мокрый липучий снег — затмило белый свет. Андрей встревожился. Он часто выходил на улицу, смотрел на небо, искал просветления, надеялся на перемену погоды, но снег валил и валил. Он договорился с ребятами, что они пойдут с ним в Погорелец, но в метель их не созовешь.

«Один уйду, — решил он. — Домой буду возвращаться — перестанет».

Он рано попросил у матери ужин. Сидел за столом беспокойно, вздыхал на непогоду:

— Вот лепит! Знать, на неделю зарядило? Окна забило снегом. В стекла можно было смотреться. Вдруг снег срывался, сползал. И снова мелькали снежинки и прилипали к стеклу.

— Ай собрался в поход? — заподозрила мать.

— А что?

— Не смей по такой погоде! Это же на погибель отправиться...

— Не погибну, не бойся.

— А я говорю, не ходить! — настаивала мать. — Жених какой. Погода будет, — слова не скажу.

— Не пойду. Успокойся, — сказал Андрей со вздохом. — К ребятам только схожу.

— И к ребятам нечего ходить. Завтра день будет на ребят...

Под причитания матери Андрей вышел из дома. Было темно. Лишь перед окном было видно мелькание снега, словно бабочки летели на свет. Он надвинул шапку, отошел. Мать крикнула вдогонку, чтобы недолго был, вернулся бы часом. Андрей не ответил.

Он обошел ребят. Колька уже лежал на печке, завалился спать. Они пошептались. Не пойти в Погорелец Андрей не мог. Казалось, если пропустить этот вечер, то потом уже незачем ему будет туда идти, все там будет потеряно. Колька отговаривал его, — сам он идти отказался.

Танька вышла проводить Андрея.

— Собрался туда же? — спросила она.

— Да, — ответил Андрей. — Ребята боятся снега — пойду один.

— Влюбился? Эх, счастливый ты! С гармонью пойдешь?

— Зачем она? Там есть гармони.

— Снег валит! — сказала Танька. — И как тебе одному подаваться?

— Так и подамся. — Андрей сошел с порога и зашагал к дороге.

Некоторое время было тихо. Казалось, что он прошел уже много: снег лежал глубокий, — Танька вдруг окликнула его:

— Андрей! Андрюшка, подожди минутку! Хлопнули двери. Андрей постоял и скоро снова услышал шум. Танька подбежала к нему.

— Пойдем вместе, ладно?

— Ты что! — удивился Андрей.

— Ничего. Эти лентяи не могут выручить человека, как старики на печках лежат, а задаются себе: «Мы, мы...»

— Снег идет, — сказал Андрей, — и дороги совсем нет... Вернись. Один схожу.

— Не уговаривай! — отрезала Танька и зашагала впереди Андрея. — Это в деревне столько снегу, в поле меньше будет, — подбодрила она. — А под утро перестанет...

— Перестанет, — подтвердил Андрей.

10

Шел апрель. Надвигалось половодье. Работы в колхозе было мало, а дни стали длиннее. Долго затухали вечера. Ни инея не появлялось, ни снегопадов не стало. Дороги днем развозило, а ночью стягивало. По утрам люди унавоживали свои огороды: кто вывозил навоз на салазках, кто разбивал кучки, разбрасывал по черным проталинам и серому снегу. Вышел и Андрей на свой огород.

— Эй, бригадир, — окликнул его Костик, — дал бы лошадь навоз вывезти.

— Бери, — ответил Андрей и добавил: — Надо было раньше за лошадь браться.

— Все некогда было раньше — колхозные дела... Костик подошел к Андрею, пожал руку и спросил:

— Радио-то как работает?

— Как работало, — ответил Андрей. — А что?

— Есть у меня для тебя одна штучка. Зайди как-нибудь, посмотришь.

— Ладно. Да ты днем работаешь.

— Вечером заходи. Потолкуем. Из сада Костика позвала жена:

— Эй, мужик, куда пропал? Работать надо. Костик направился к салазкам и вдруг остановился, спросил:

— Малый, а что у тебя Захарыч беспризорным шляется по дворам? Вчера под вечер всех обошел. Я думал, ты опять передал ему дела. У тебя что, работы ему нет?

— Говорит, больной, — ответил Андрей.

— Слушай больше. У него ряска — не объедешь. Слабость твою узнал. Отлеживается на печке, — люди за него спины гнут. Ты давай пиши его в наряд, а то мы с тебя спросим. Понял?

— Понял, — ответил Андрей.

Он скоро ушел с огорода, вписал Захарыча в наряд и отправился к нему.

По-весеннему оживала деревня. Кричали петухи и грачи. У дороги на Погорелец зажелтел в ложине снег, накопилась вода. Андрей знал, что настоящее половодье начинается с этой лощины. Как только двинет из нее вода, значит, пришла настоящая весна. В три дня сгоняет весь снег, и наступает тепло.

«Днем не тронется, — подумал Андрей, — вечерком схожу в Погорелец. А можно съездить — за школьниками, а то им потом не выбраться».

Захарыч сидел за столом один, завтракал. В миске перед ним было что-то молочное. Он окунал в еду ложку, медленно подносил ее к губам и с остановками облизывал. Андрей постоял у порога. С ним никто не заговорил, и он приступил к разговору сам:

— Что-то, Захарыч, один ешь, а где ребята? Захарыч слабо махнул рукой, взглядом показал на печь. Андрей вышел на середину избы и заглянул за перегородку. В потемках блеснули ребячьи глаза, — и разом ребята шмыгнули в углы, засмеялись. Андрей присел у стола, спросил:

— Что, Захарыч, собираешься делать?

— Помирать, милай. Одно мое дело.

— Брось, — возразил Андрей. — Заладил — помирать. Мне говоришь, что больной, ничего не можешь, а сам по деревне ходишь.

— Ай наряд мне дал? — спросил Захарыч.

— Назначил тебя в сад, надо спилить и привезти ясень. На дрова — телятам поило греть.

— Давай, мальчик, давай, — проговорил Захарыч. — Не обошелся без меня, что ж...

От печи повернулась к Андрею жена Захарыча, закрычала,

заплакала, что жизни не дают ее мужику, и так чахоточный, а они его еще работой добивают...

— Замолчи! — крикнул Захарыч и закашлял.

— Смотри, какой из него работник, — показала хозяйка Андрею.
— Ему неделю жить осталось.

— Я ничего, могу не посылать, — заговорил Андрей, — но надо ему трудодни выработать... Не выработает, — на суд подадут.

Захарыч отмахивался, хозяйка кричала:

— Подавайте, судите! Душегубы, дармоеды проклятые! От малых детей отца отрываете, в могилу гоните. Ему питание особое надо — чем помочь бы, они работы требуют...

Андрей пожалел, что послушался Костика. Он прежде не верил в болезнь Захарыча, но теперь убедился, что Захарыч совсем разбит. Андрей встал и ушел.

Под вечер двинулось половодье. Школьники пришли из Погорельца пешком, успели пробраться, хоть и промокли. Валька принес письма из Москвы от сестры и брата. Андрею была записка от Ирки. Она ждала его вечером.

Пройти в Погорелец было нельзя, оврагами неслись потоки внешней воды, затопило низины, разлужья. Можно было проехать, но с опаской и только верхом. Андрей обдумывал, как взять лошадь. Первая не пустила бы его в такой путь мать. В половодье мужики, бывало, и не на таких лошадях боялись рисковать — из деревни не выезжали. Тут и лошадь погубить недолго.

Андрей стоял у порога, смотрел в сторону Погорельца, раздумывал. Солнце садилось в той же стороне, и от разливов воды слепило. Вдруг за углом сеней что-то зашумело. Он метнулся на шум. С огорода через сад прорвался поток воды и ушел под снег, оставляя на сугробе шугу и черный огородный мусор с илом.

Не раздумывая, Андрей схватил лопатку, бросился за сад и принялся проводить воду по меже за садом. Он уже довел поток до соседнего сада, как вдруг его позвала мать.

— Андрюшка, скорее, малый, — беда пришла! Андрей прибежал к дому. Рядом с матерью стояла

Дашуха, жена Захарыча, в слезах.

Сынок, Захарыч помирает! В больницу, что ль, повезем? И не проехать.

Андрюшечка, родной, помоги! — взмолилась Дашуха.

— Не может быть, — сказал Андрей. — Утром он ничего был.

Андрей взглянул на Дашуху. Утром у печи она казалась

большерослой и грозной, а теперь выглядела маленькой, словно укороченной горем. И сказал он ей, что утром Захарыч был «ничего», нарочно, чтобы поддержать ее и оправдаться за свой приход к ним.

— Он все время был ничего, а какое это «ничего» — никому не ведомо было, — ответила Дашуха и снова принялась упрашивать Андрея: — Уж ты, Андрюшечка, выручи меня. На одного тебя надежда.

Андрей вышел из проулка, взглянул на дорогу к Погорельцу. Поля почти все были черные, но дорога еще вилась снежной лентой наизволок.

— Валька! — крикнул Андрей. — Сюда!

— Сынок, скатай, помоги людям, — заговорила мать.

— Еду! — ответил Андрей. — Его туда везти или доктора к нему?

— Куда тут его, — обрадовалась Дашуха. — Он ни сесть, ни встать. К нему доктора. Скажешь, кровь изо рта и носом идет.

Из избы выбежал Валька. Андрей попросил:

— Братуха, помоги запрячь побыстрее. Пару, гуськом надо поставить. Ты, тетка Даша, найди кого-нибудь со мной другого. Случай чего, вдвоем сподручней...

Выбрал Андрей старые сани, самые легкие, прикрутил к грядкам поперек перекладину, положил вдоль две доски, взял из дома свиту и покатил по деревне. Валька просился с ним, но он разрешил ему лишь прокатиться; был бы повзрослее, можно бы взять, а так — что толку.

У избы Захарыча собрался народ, тихо и скорбно разговаривали и смотрели на воду, залившую овраги и низины.

— Нашли кого-нибудь, кто поедет? — спросил Андрей.

— Найдешь тут, — ответила Колькина мать. — Ребята костры по воде пускают, совсем с ума посходили.

— Возьми из баб какую-нибудь, — предложила Катя-скотница. — Хоть я поеду. За ребятами тут приглядят.

— Тебя лошади не доволокут, — ответил Андрей и посмотрел на брата.

Валька приблизился снова к саням. От Казаковых, одеваясь на ходу, шла Танька.

— О! — произнес Андрей. — Танька, поедем! Живо!

— Куда тебе с ней? — воспротивилась мать за Таньку.

— Не пропадем, — ответил Андрей. — В метель пешком ходили...

Танька уселась на доски. Андрей тронул лошадей.

Снег не скрипел под полозьями, а раздавался из-под них на стороны со всплесками. Овраг у своей деревни не пугал Андрея, хотя он и пожалел, что уже снесло мосток. Андрей направил лошадей вдоль потока, по течению, к лесу. Недалеко была лужайка без протоки, где вода широко разливалась, текла мелко и тихо. За лужайкой — еще две лощины и глубокий овраг под Погорельцем. Хотя там стоял мосток, этот овраг больше всего пугал Андрея.

— То ли дело зимой, — заговорил Андрей, — иди куда хочешь. А теперь вот выбирай, где мелко.

Лошади прошли разлив, вывезли сани на дорожный след и потянули наизволок. По сторонам и сзади шумело половодье. У леса в небо поднимался дым, там ребята разжигали у воды на снегу костер, потом отрубали палками снежную глыбу, и она уносила костер по течению и плыла, дымя, пока огонь не заливало водой...

11

Доктор опоздал к Захарычу. Ночь, как в каждое дружное половодье, была темная. За оврагом, у деревни, стояли с фонарем люди, ждали подводу. Слышались крики с их стороны, но слов нельзя было разобрать из-за шума воды. Андрей, не задерживаясь, снова направил лошадей в объезд глубокой протоки.

Валька вышел к тому месту, где Андрей переправлялся через полу воду, сказал:

— Андрей, велели назад ехать, он помер.

— Кто велел? — спросил доктор.

— Бабы, — ответил Валька.

Андрей не знал, что делать. Весть о смерти поразила его. Еще утром Захарыч разговаривал с ним — теперь, наверное, лежит на лавке, онемевший навсегда, потом его свезут на погост, опустеет, осиротеет без него изба, на семью навалится сразу сиротская горечь. Хотя война у многих отняла отцов, но мертвыми их не видали, и казалось, что они где-то есть, когда-нибудь вернуться, и все их семьи считались солдатскими. Андрея вдруг стало знобить, он промочил ноги. В последней лощине оборвался на кореннике гуж, пришлось бросаться в воду, перепрыгать.

— Трогай, Андрей, — сказал доктор. — Сразу езжай домой. Надо тебе компресс поставить согревающий. Покойник подождет... Взглянуть мне только на него надо, удостовериться смерти.

— Я ничего, не холодно, — ответил Андрей.

— Сознайся уж, что замерз, — сказала Танька. — До коленок в

воде стоял. Лошадей мы с Валькой распряжем.

— Да, да, так и сделаем, — поддержал доктор Таньку. — Не надо, молодой человек, рисковать здоровьем. Ваш храбрый поступок — неразумная горячность, напоминаю вам еще раз.

Доктор был старый. Он приехал в Погорелец еще до колхозов. В округе его все знали, чтили. Он долгие годы лечил людей, принимая их в Погорельце, выезжал к тяжелым больным, старым и малым. Приходилось ему проводить и различные собрания: то учил людей, как бороться с болезнями, предупреждать их, то выступал на колхозных собраниях, вершил депутатские дела и проводил подписки на заем. Он знал почти каждого по имени, а уж по фамилии и подавно.

Звали доктора Наумом Никандровичем. Имя его и старые и малые запоминали с первой встречи. С детства знал его и Андрей — он заболел, и к нему привозили Наума Никандровича. Потом отец возил его самого в больницу, когда на седьмом году он упал с ракилки и вывихнул кисть руки.

Несколько баб встретили подводу, с ними была мать Андрея. Танькина мать светила фонарем. Они разом стали спрашивать, как проехали, но говорили тихо, скорбно.

— Доехали, как в свадьбу ездят, — ответил Наум Никандрович. — Что тут у вас?

— Захарыч долго жить приказал, Наум Никандрыч.

— Д-да, — произнес доктор, — другого и не могло быть. Ну что ж, посмотреть надо. Трогай, Андрей, галопом на печку, пятки прокали на горячем.

— Ай промок? — испугалась мать. Андрей тронул лошадей, покатыл к деревне.

Дом не был освещен. Андрей прогнал лошадей мимо, к конюшне.

— Куда ты? Мы распряжем, — сказала Танька.

— А, вам доверять...

У конюшни Андрей прыгнул с саней и чуть не упал: ноги были словно не его, не чувствовались. Он подошел к оглоблям, от ходьбы заломило кости в ногах. Танька и Валька помогли распрячь лошадей, завели их в стойло. Лошадям оставили корма и бегом направились к деревне. Андрей спешил от холода, а еще его и остальных подгоняла боязнь, пугал мертвый Захарыч. Поэтому и Андрей не сошел у дома, побоялся покойника. Перед домом Андрей перешел на шаг, заговорил:

— Тань, ты домой сейчас или к нам пойдешь, радио послушать? Песни, наверное, передают.

— А Валька куда пойдет? — спросила Танька.

— Я с вами, — ответил Валька.

— Туда не пойдешь? — спросила снова Танька.

— Нет, одному неохота, — сказал Валька.

— Вместе пойдем, — предложила она.

— Пойдем! — согласился Валька.

Андрей не успел отговорить их — они схватились за руки, убежали от него. Он постоял немного перед домом в нерешительности. Пугала тьма. Откроешь сени — там прохладно, темно, открытый чердак. Огни светились не везде на деревне, шумела полая вода, катилась, спадала вниз, к рекам и морям. Ноги поламывало, словно стоял он на снегу и не было на них валенок. Вспомнилось, как ругал его Наум Никандрович, что он погорячился, прыгнул с саней в воду. Надо было пересесть на лошадь, попробовать привязать к оглобле гуж и вытянуть из воды сани, а в крайнем случае снять валенки, войти в воду босиком, а потом обуться в сухое. Теперь Андрей понял, что так было бы лучше, но тогда некогда было думать, простудишься ты или нет. В санях сидел доктор, а впереди, в двух километрах умирал человек.

Андрей взглянул на избу Костика. У них ярко светились окна. Захотелось пойти туда, попроситься на печь, но он рванулся к дому, поспешно вынул из пробоя палочку, пролетел через сени в тепло дома и зажег лампу. Свет не сразу заполнил дом, и тени в углах пугали Андрея.

Он торопливо снимал мокрую одежду. Его колотила дрожь и от простуды, и от испуга. За печью что-то шумнуло. Андрей резко повернулся на шум, запутался в брюках и упал. Из-за перегородки, потягиваясь и зевая, вышла кошка. Сидя, Андрей стянул брюки, бросил их с озлоблением на кошку, накрыв ее. Кошка завозилась, мяукнула и, вырвавшись, метнулась на печь. Андрей рассмеялся. Страх его вдруг прошел.

— Чего боишься, дура? — сказал он. — Я в воду прыгал — не боялся, а ты мокрой тряпки напугалась.

Андрей потер ноги и полез на печку.

— А ну, подруга, — заговорил он с кошкой, — где тут есть местечко погорячей? Простужусь я или не простужусь?

Он отвернул подстилку. Руками нельзя было притронуться к кирпичам, обжигало, а ноги не чувствовали тепла.

— Простужусь, киса, — говорил Андрей, укладываясь, — помру, ты уж не плачь потом обо мне... Не стою я этого.

Собственные слова растрогали Андрея, чего-то вдруг стало жалко — то ли близких ему людей, то ли самого себя, оторванного от мира, от жизни. Напросились слезы, заполнили глаза. Вспомнился Захарыч, его детишки. Утром еще ребята не знали, что у них не станет отца, заигрывали с Андреем, когда он заглянул к ним на печь, смеялись. Теперь они испуганы, плачут вместе с матерью. Одна за другой в представлении рисовались картины: Захарыч пришел с войны, подтянутый, еще молодой, две медали на груди; Дашуха, наряженная, вместе с ним ходила по родным в гости; Захарыч сажает деревца перед избой, поправляет крышу на хлеву, стоит с граблями, принимает снизу солому и раскладывает ее порядком, причесывает каждую охапку, чтобы с соломинки на соломинку стекала вода.

От горячих кирпичей вдруг закололо пятки, Андрей отнимал их и снова ставил на горячее, прогревал, прокаливал, как велел доктор. А печаль сильнее, больше наваливалась на него. Вспомнилась поездка за Наумом Никандровичем, и вовсе невольно стало: стремился-то он из дома в Погорелец прежде всего из-за Ирки. Он забежал в сельский Совет, но Ирки не было. Уборщица сказала, что она ушла с женихом, приехал малый из Тулы, паренек-ремесленник, весь в значках, с ясными пуговицами, увел ее...

Круг воспоминаний завершился. Андрею захотелось умереть, поразить всех такой неожиданностью, но до смерти побольше побольше, чтобы об этом узнала Ирка, покаялась бы, пострадала... С этой мыслью он уснул.

Проснулся Андрей в тревоге. Он не помнил, что случилось раньше, сознавал, что надо сделать что-то важное, и только проснувшись окончательно, расставил все события по местам. Он ожидал, что заболит от простуды, но боли ни в чем не чувствовалось, лишь отлежал на кирпичках бока. Обрадовался, что простуда не привязалась: болеть не время, надо улаживать дела с Захарычем, похоронить его, потом искать обсохшие поля, пахать и сеять...

На печи рядом спал Валька, кровать занимал Наум Никандрович.

Андрей осторожно слез на пол. Матери дома не было. На столе стоял кувшин с молоком, тускло горела лампа. Он ввернул фитиль, — в окно светило утро.

— Андруша, — позвал Наум Никандрович, — ты встал? Подойди ко мне.

Доктор взглянул на лицо Андрея, взял руку и приложил пальцы к пульсу.

— Спал хорошо? — Андрей кивнул в ответ. — Мы тебя и ужинать не стали будить. Здоров! Миновало. А как погода, не смотрел?

— Не выходил еще. Вроде пасмурно, — ответил Андрей, всматриваясь в окно.

— Пустит весна меня домой или не пустит?

— Отвезу, — сказал Андрей. — Вчера проехали, теперь не страшно.

— Не вовремя Василий Захарыч умирать вздумал. Стоило подождать.

— Я не верил, что он больной, — сказал Андрей. — Утром заходил, посылал на работу... Может быть, я виноват, что он... это...

Андрей не договорил, отвернулся и пошел к своему столу. Наум Никандрович рассмеялся:

— Ты, Андрюша, неповинен в этом. Я — еще да, на мне есть вина: я доктор. А что сделаешь, когда болезнь запущена, от войны еще не оправились, инвалидов вон сколько, лекарств нехватка. Ты себя в виновники не ставь, выбрось это из головы... Главная виновница смерти Захарыча — палочка Коха, бацилла.

В избе посветлело еще больше. Андрей взял наушники, настроил детектор. Послышалась музыка и песни:

Много есть людей великих,
Чьи дела в веках живут.
Много есть имен великих,
Что бессмертными зовут.
Много сказочных героев
Сохранил напев былин,
Но любимей всех героев
И роднее всех — один...

Последние слова хор стал повторять. Андрей снял наушники, положил на стол.

— Что-нибудь передают? — спросил Наум Никандрович.

— Песню.

— Пора вставать, — сказал доктор. — Утро началось. Мать должна вернуться.

— Она там? — спросил Андрей.

— Ушла. Я отговаривал ее. Бабки есть, чтобы с мертвым сидеть. Их это дело. Но ее звали... Андрюша, а у тебя не бывает желания

стать великим?

— Как — великим? — удивился Андрей.

— Да вот так, чтобы о тебе каждый день говорили, чтобы песни слагали.

Андрей задумался. Иногда мечталось ему что-нибудь совершить, чтобы прославиться, чтобы написали о нем в районной или областной газете. Но такого желания, чтобы не выходило из головы, не было.

Наум Никандрович скрывал улыбку. Андрей не знал, как ответить.

— Трудный вопрос, верно? — спросил доктор.

— Не трудный, пустяк, — ответил Андрей. — Надо что-нибудь выдающееся сделать.

— Выдающееся, говоришь А что ты считаешь выдающимся?

— Ну, революцию, — ответил Андрей, — или победить врагов.

— Один — революцию, один — врагов, — заметил доктор.

— Не один. Одному как... И не хочу я быть великим. Мне таким хорошо. А хочется стать изобретателем, радио изобретать, или из дерева что-нибудь делать, красивое чтобы.

— О, вот это дело! — одобрил Наум Никандрович. Он оделся с ног до пояса, подошел к ведрам, спросил: — Воды мы не сможем организовать?

— Сейчас почерпну, Наум Никандрович. Колодец за углом, — ответил Андрей и схватил ведро.

— А в таком случае можно и помыться у колодца, — сказал Наум Никандрович.

Андрей взглянул на полотенце — нечистое, открыл сундук и нашел расшитый птичками рушник с надписью: «Встанешь раненько, умоешься беленько», «Утро — девица подаст рушничок, сольет водицы».

На улице было туманно. По оврагам шумела вода. Скворцы распевали и жаворонки. Кричали грачи и суетились воробьи, словно от их чириканья и наступила весна.

— Вот и весна, Андрей, — сказал Наум Никандрович. — Долго мы ее ждали. Я за зиму на десять лет состарился.

Андрей повесил на изгородь рушник, стал опускать в колодец ведро. В деревне вдруг заголосила Дашуха.

Андрей повернулся. Веревка рванулась из ослабевшей руки, метнулась над срубом, словно хвост зверя мелькнул перед норой, и исчезла. Гроыхнуло по срубам пустое ведро, плеснуло, наполнилось и плавно ушло под воду.

— Ну что, зачерпнули холодной? — улыбнулся Наум Никандрович. — Ничего, не переживай. Иди, Андриюша, справляй свои дела. Я найду воды.

Он ушел к ручью. Андрей стоял у колодца, слушал женский плач, и у самого на глаза просились слезы. Не понимал он случившегося. В смерти Захарыча была какая-то несправедливость. Когда умирали старики, это принималось как должное, а Захарыч полжизни не прожил.

Наум Никандрович вернулся с ручья. Тело его было красное, словно распаренное в бане. В войну красноармейцы построили баню у пруда, некоторые зимой выбегали на снег, тоже красные, словно раскаленные на огне.

— О, юноша, вы мне не нравитесь! — произнес Наум Никандрович. — Откуда в такие лета задумчивость, складки на челе? Не дело, дорогой, не дело. — Наум Никандрович положил на плечо Андрея руку, сказал дружески: — Пойдем-ка мы с тобой, о завтраке подумаем. Лично для меня имеется кое-что для хорошего настроения — так, пустяк, самая малость. И пофилософствуем перед дорогой...

12

Андрей не мог отделаться от чувства вины перед Захарычем, а мать велела помочь Дашухе похоронить его, и Андрей сделал все, что было нужно.

До отъезда в Погорелец с Наумом Никандровичем он послал ребят в лес за дровами для Дашухи и приказал привезти два воза, троих направил копать могилу, а гроб обязался сделать сам. Теперь он ехал с доктором и раздумывал, почему люди стараются угодить покойнику с большей охотой, чем живому человеку. Ответить себе на эту загадку он не смог и спросил у Наума Никандровича.

— Почему так, спрашиваешь? Здесь много причин: во-первых, вера в бога, прежде каждый считал себя грешником и, чтобы загладить свои грехи, старался что-то сделать, но не перед покойником — перед богом; во-вторых, жалость, — несчастье всех нас делает добрее, хотя и тут мы невольно обращаемся к себе: а вдруг и со мной случится то же самое и мне придут на помощь, если и я оказывал услугу; в-третьих, родовой инстинкт: все мы одного роду-племени и должны заботиться один о другом. Здесь много и других причин, какие можно выставить: смерть человека — всегда неприятное явление, и хочется скорее избавиться от этого, и тут уж мы ничего не жалеем. А в чем истина — гадай как можешь, — развеяв руки, закончил Наум Никандрович.

С первых же слов Андрей смутился, словно Наум Никандрович говорил о нем; но потом оказалось, что он не одинок в себялюбии, что от этого недостатка не свободны еще многие.

— Наум Никандрович, а вы почему все делаете для всех? — спросил Андрей. — Вчера только в бане были, не обсохли и поехали с нами по половодью.

— У меня, дорогой, профессия такая — бесчеловечная, — Наум Никандрович рассмеялся. — Ты не помнишь, я тебя лечить приезжал? Давно дело было. Морозы стояли страшные! Отец твой приехал ко мне — так, мол, и так, Никандрыч, сынишка помирает. Я за сумку да в сани: «Погоняй!»

— Не помню, — сказал Андрей. — Летом вы у нас были, потом еще, но тогда я не помирал.

— То ты не мог помнить: без памяти был. — Отец вас потом и назад возил?

— Возил, — ответил Наум Никандрович. — Ровно восемь часов ехали мы тогда до Погорельца.

— Заблудились! — воскликнул Андрей.

— Поплутали, — ответил Наум Никандрович. — О нас есть книжки интересные, Андрюша. Ты не слышал о таком писателе: Чехов Антон Павлович?

— А, знаю, — ответил Андрей. — «Каштанка». Читал...

— Не одна «Каштанка» им написана. Ты возьми в библиотеке полное собрание его сочинений, у нас, по-моему, есть оно? — Наум Никандрович вопросительно посмотрел Андрею в глаза, Андрею показалось, что доктор смотрит с усмешкой, и он смутился, вспомнив Ирку. — Почитай. Там у него есть и о докторах. Это для тебя полезнее, чем другие книжки. У Антона Павловича ты большому научишься. Он полезен и тем, кто интересуется политикой, и тому, у кого большое пристрастие к экономике. Понял меня?

— Понял, Наум Никандрыч, — ответил Андрей. — Валька пойдет в школу, скажу ему, принесет из библиотеки.

— А сам что ж? Ты часто в последнее время там бывал, — заметил Наум Никандрович с улыбкой. — Поскандалили?

— Да так, ерунда, — проговорил Андрей, стыдясь такого разговора.

— В библиотеку надо, дорогой, самому ходить. Это не читатель, которому приносят книжки, это уже барин... А то, что там у вас произошло, сгладится.

К утру поляя вода прибавилась, двинулись ручьи с северных

склонов полей. Андрей запряг телегу и сам повез Наума Никандровича в Погорелец. Он полюбился за это время Андрею, и ему не хотелось расставаться с доктором. Мать, Андрей и Валька оставляли его пережить у них половодье, но Наум Никандрович отказался. Ему и эту ночь не положено было ночевать у них: вдруг какой несчастный случай, а доктор неизвестно где. Если бы не было повозки, доктор обходом пустился бы в путь пешком...

Они проезжали вторую лощину. Стайка чибисов поднялась с проталины, и доктор и Андрей засмотрелись на птиц, задумались. Ручьи, протоки воды, проталины, остатки грязного снега, птицы — все стремительно несло куда-то, перемещалось, и называлось это весной. Андрей смотрел вокруг с восторгом. Новая весна пришла в его жизнь, он станет старше еще на год, а скоро его и вовсе не будут называть мальчишкой. Он становился хозяином земли, видел себя шагающим по полям, по лугам, обходил леса и сады... А Наум Никандрович оглядывал окрестности с грустью. Сколько было весен, все прошли, — приблизилась старость, и близок тот день, после которого и весеннее солнце, и теплые ветры, и шум полоёй воды навеки перестанут радовать его. Весна за весной уносили его молодость, теперь им осталось унести из жизни его самого.

На поле сел грач и, утопая в грязи, пошел по меже, выискивая корм. Глядя на грача, Андрей улыбнулся.

— Что, Андрюша, смешного увидал? — спросил Наум Никандрович.

— Грач утопает, — показал Андрей на поле. — Вот я и вспомнил, как я в детстве...

— Когда, когда? — перебил Наум Никандрович. — В детстве, говоришь?

— Когда маленький был, — ответил Андрей с улыбкой.

— А, ну-ну, продолжай, большой человек.

— Я тогда в школу еще не ходил. Ждал-ждал весну, а как она началась, весь день для ручьев каналы копал. А один раз увидал птиц каких-то за одоньями, пошел посмотреть на них. Снегу не было уже на огороде, только в меже оставалась черепушечка. Птицы, пока я дошел, улетели. В кустах там еще снег лежал, твердый, в заячьих следах весь. Я обошел все одонки, прутиков наломал — играть, а когда пришел на межу, совсем все растаяло. Посмотрел на дом и пошел напрямик. Грязь была, — сразу лапти черные стали.

Андрей засмотрелся вдаль и, вспоминая, видел и ту весну, и огород, и себя.

— Отошел немного, веревка от лаптей распустилась, и лапоть соскочил, — продолжал Андрей. — Онуча развернулась. Я и давай реветь. Нога замерзла. Онуча промочилась. Я реву, оглядываюсь. Бояться стал, думал, волки прибегут. В деревне гуси с утками кричат, петухи поют. Люди разговаривают, а меня и не видят. Грачи пролетают, смотрят на меня, а я стою и реву. Слезы кончились, а я все хнычу. Солнце садиться стало. Дома хватились, стали кликать меня, а я голос потерял. Думали, я где-нибудь в ручей свалился...

— Да, не повезло тебе, — улыбнулся Наум Никандрович. — И как же тебя нашли?

— А кошка помогла. У нас была умная-умная кошка. До войны ее хозяйева уехали в Москву, а кошку оставили. Она в колхозной риге зимой жила. Отец был за конюха тогда. Поехал за озадками лошадям, — а мороз тогда был — кошка к нему и прыгнула на шею. Отец домой ее принес, она у нас и осталась.

— И как она тебя выручила? — спросил Наум Никандрович.

— А она размяукалась. Подойдет к матери и мяукает. Мать ругать ее стала, чего она кричит, думала, что не к добру. Прогоняет ее, а кошка в проулок, потом в сад. Догадалась мать, пошла по ее следам — меня и увидела...

— Спасли, значит?

Отец пришел, под мышку меня взял и снес домой.

— Наказали?

— Нет, — ответил Андрей. — Сперва хотели, а потом раздумали. Сказали — хорошо, что не утонул, на ручей не ходил, а грязь отмоется.

— Босиком идти — грязи побоялся? — спросил Наум Никандрович.

— Такая грязь была — побоишься!

— Видишь, как ты изменился — вчера в воду прыгнул, я и глазом моргнуть не успел. А то ногу запачкать боялся...

В лощинах воды стало меньше, она нашла выход, схлынула ручьями. Доехали без приключений. У Погорельца, когда переехали последний овраг, Наум Никандрович отправлял Андрея назад, но Андрей повез его до дома.

В Погорельце Андрей беспокойно водил взглядом по домам. С избы Ирки переносил взгляд на сельсовет, потом стремился где-нибудь увидеть мальчишку-ремесленника. Но не увидел.

У дома, где находился медпункт и жил Наум Никандрович, стояли две подводы. Заезженные лошади подбирали корм.

— Меня уже ждут, Андрюша, — сказал Наум Никандрович, — а вы гостить оставляли. Мои праздники впереди. Когда все люди будут здоровы, тогда и я буду по гостям ходить.

— Когда они будут здоровы все-то? Не будут, — сказал тихо Андрей.

— А ты что загрустил, мальчик? Не вешай нос, дорогой. Загляни в библиотеку. Помнишь, что взять?

На двери библиотеки висел замок. Но Андрей и не думал заходить туда. Слишком сильна была обида на Ирку. Писала, чтобы приходил, а сама с ремесленником ушла. Теперь с ней и говорить не о чем, и глядеть на нее неохота. Обманщица она.

И снова Андрей смотрел на избы. Люди помогали весне, разбивали у порогов лед, разваливали сугробы. Впереди дорогу перебежали овцы. В Погорельце народу много, а земли с угодьями мало, и мало накашивают сена. Круглый год овец выпускают на улицу — подбирать по дорогам сенцо, оброненное проезжими. У Иркиной избы появился парнишка-ремесленник. Он вылез с лопатой на снежный косогор, посмотрел на Андрея и вогнал лопату в снег. Андрей махнул кнутом по лошадям. Все понятно. Этот парнишка и днем приходит в избу, работает, — значит, надо забыть, что есть на свете Ирка, что он дружил с ней, по ночам, в метели ходил на свидания.

Все это мелочи — дома ждут большие дела.

На обратном пути Андрей заехал к председателю. Он оказался дома, чинил сапоги. О смерти Захарыча он уже знал и сообщение Андрея принял без удивления.

— Пора ему, — сказал он Андрею в ответ. Пользы от него уже давно не было, а бесполезного человека этот свет не держит.

— Он не бесполезный, — вступился Андрей.

— Ну как же, как же. Сколько он при тебе трудодней выработал?

— Хоть сколько, а говорить так не надо.

— А, ну это другое дело. О покойнике худо не говорят... Оказывается, полезно книжки читать — не зря ты о Карле Марксе взял.

— Иван Гаврилыч, надо бы хлебушка на похороны дать Дашухе, — перебил председателя Андрей.

— Хлеба, а потом мяса, так?

— Мяса никто не просит, — ответил Андрей.

— А ты подумал, откуда в колхозе перед весенней посевной может быть хлеб? Есть там у нас немного, трактористам оставлено —

и то на свой риск, государству недодали... Не знаю, как будем выкручиваться.

— Им немного надо, — проговорил Андрей, начиная злиться.

У председателя в этот день были хлебы. На столе под скатертью лежали большие ковриги. На скатерти над каждой ковригой на ворсинках осели от пара капельки, словно роса на лугу. Три, пять... шесть ковриг и седьмая маленькая, поскребыш. В доме пахло хлебной кислотой — и этот запах вызывал нетерпение, мешал разговаривать, сбивал на мысль: «Отрезал бы хлебца или посадил бы обедать».

— Ты вот что, — сказал председатель, — спроси там, у Костики. Если он выгадает, то я не против того. Несколько килограмм пусть наметет где-нибудь в уголках... Коровы как там телятся?

— Колхозные? — спросил Андрей.

— И колхозные, и свои. За своими тоже учет надо вести. Вот наладится путь, контрактацию телят проведем. В других бригадах давно списки составили, а за вас мне выговор будет.

— Список составишь, а если корова не растелится или околет теленок, как тогда? — спросил Андрей.

— Этого не должно быть, и предположений делать не надо. Сказано — стопроцентный охват контрактацией, значит, других разговоров никто слушать не будет. Понял? Можешь быть свободен.

— Ну, до свидания, — сказал Андрей и вышел. Пасмурный день светлел. Солнце перебегало по полям. Вода не спадала, не убавляла шума. В небе висели жаворонки, их пение доносилось через шум половодья — и словно никогда не было холодов, снега, зимы, казалось Андрею, словно и теперь не лежала на полях грязь весенней распутицы, а все было в зелени.

Поздно вечером Андрей зашел к Костику. Тот сидел с наушниками у приемника. Андрей пожал ему руку, присел и взял вторые наушники.

— Что тут хорошего? — спросил он.

Костик махнул рукой, заставил замолчать и слушать передачу. Потом заговорили.

— Захарычу-то на гроб где досок набрал? — спросил Костик.

— Где пришлось. На своем карнизе отодрал, потом это... ругаться, должно, будешь — на амбаре взял три штучки.

— Карниз? — спросил Костик.

Андрей кивнул. Костик вскочил с лавки, стал перед Андреем:

— Ты что, верно говоришь или шутишь?

— Чего шутить. Негде было взять... А я потом заколочу.

— Ты потом заколотишь? А ты не подумал, что за это тебе может быть? Там семена хранятся, а ты дыру проделал. Вот ключи — завтра же перевешаем зерно, недостача вся на тебе будет. — Костик стал ходить по избе, бросал быстрые взгляды на Андрея. — Пока мы с тобой сидим, там могли не один центнер зачерпнуть. Милицию завтра вызову. Ты еще не ученый, — тебе покажут, как колхозным добром распоряжаться!

— Кто туда полезет, — попытался отговориться Андрей. — А утром я найду доски.

— Найдешь или нет, меня не касается. Как я сказал, так и будет. А тебя за такие штучки по головке не погладят. Много власти на себя взял, а еще нос не научился подтирать...

— Днем туда никто не мог залезть, — сказал Андрей, — сейчас тоже, а на ночь сторожа назначу. Ладно так?

— Делай что угодно, — кипятился Костик, — а я на себя ответственность не возьму, запомни это.

Андрей отошел к двери, хотел уходить, но жена Костика заступилась за него, зашумела на мужа:

— Что напал на мальчишку? Сходил бы вместе с ним к амбару да заколотил бы дырки, если боязнь одолевает, что разворуют семена.

Костик перестал кричать, сказал:

— Я не пугаю, а учу его, дурака. В другой раз такого пускай не делает. Отвечаешь за одно и отвечай — другого не подводи... Вот что, не уходи, — сказал он Андрею. — Видал, какой у меня детектор стоит?

Андрей заметил новый детектор, но спросить не успел, что это за вещь. Об этом, наверное, и говорил раньше Костик.

— Отверткой регулируется, — сказал Костик. — раз настроил, и будет говорить вечно, не собьется, не то, что наши с тобой самоделки.

Андрей подошел к приемнику. На месте детектора стояла как будто вилка от наушников, но провода к наушникам от нее не было, а в углублении поблескивал винт с прорезью.

— Интересно! — сказал Андрей.

Костик потянулся к полке под потолком, снял коробочку, развернул бумагу и достал такой же детектор.

— Из Москвы? — спросил Андрей, не скрывая любопытства.

— Да, получил, — ответил Костик. — Держи вот. Андрей нерешительно протянул руку. Только что Костик ругался — и вдруг

отдает такую вещь дороговую. Костик не сразу передал детектор, объяснил:

— Понадобится — скажешь. Дам еще один.

— А сколько стоит? — спросил Андрей.

— Бери, не спрашивай, — ответил Костик. — Расплатишься. Не думай, что даром даю. Но не бойся, дорого не станет. Понял меня?

— Понял, — буркнул Андрей и сбивчиво заговорил: — К председателю заезжал... спрашивал у него хлебушка... Дашухе на похоронки. Он у тебя велел спросить. Есть или нету?

— Еще новость! — возмутился Костик. — Откуда у меня хлеб? Всем кажется, что у меня его излишки. Ревизия была под Новый год, все до зерна взвесили, учли. А у тебя что, Дашуха просила?

— Да нет, — ответил Андрей. — Сам я... У них же нет. Хоть маленьким на пекушки.

— Ты, малый, добрый дюже. Дашь ей — другие пойдут просить. А где я возьму? Чудак ты, вот что я тебе скажу. — Костик наклонился к Андрею, сказал полупшепотом: — Себе попросил бы — другое дело, нашел бы там малость, а народ не накормишь.

— Нам не надо, — ответил Андрей. — У нас маленьких нет. Обойдемся.

13

Председатель приехал верхом. Андрей увидел его, выйдя на крыльцо. Он поравнялся с избой Костика, свернул с дороги и жестом руки приказал Андрею зайти к соседу. Андрей неохотно пошел от дома. Если есть какие дела, председатель мог бы зайти к ним, а не хочет заходить в дом, сказал бы, что надо, на улице.

Председатель привязывал лошадь. Андрей подошел, поздоровался и протянул первым руку. Председатель не подал руки, словно не заметил Андрея, направился в избу. Андрей взглянул на руку — чистая — засунул ее в карман и тоже направился в избу.

Костик был дома один. Жена с ребятишками ушла, видимо, провожать и поминать Захарыча. Он наматывал новую катушку радиоприемника.

— О, Гаврилыч! — встал навстречу председателю Костик. — Ты всегда кстати.

Председатель что-то ответил, рассмеялся. Андрей отстранился от них. Они взрослые, живут по своим законам, разговоры у них свои, свои слова, свои понятия. Руку им первый не подавай, жди, когда подадут тебе. Он был непричастен к ним, но уйти не мог, удерживало то, что он был приглашен председателем, — видимо, было дело.

Костик из печки достал сковороду с картошкой, выставил соленые огурцы и подал с полки горбушку хлеба, потом поставил стаканы — три — и сходил в сени.

— Так вот, мальчик, распоряжение из района прислали, — заговорил с Андреем председатель. — Леса будем сажать.

— Правда? — обрадовался Андрей. — А как их сажать?

— Не перебивай пока, слушай, — сказал председатель. — Готовь два плуга с одним сошником, надо выбрать площадь и напахать, прорезать борозды; а сойдет снег, путь наладится, сразу две подводы — а найдешь третью, так и три — пойдут в лесничество за посадочным материалом... Километров шестьдесят туда будет, учти.

— А какой материал? — спросил Андрей.

— Обычный, — ответил председатель. — Березка, дуб, кленок, акатник, поди, тоже будет. Дело, скажу тебе, трудное. Надо справиться, чтобы не было неприятностей.

— Ну-ка, Андрей, хватит об этом, садись, — сказал Костик. — Лес я бы один насажал за весну, заплати только мне за это. Нашли, о чем толковать. Давай потом поговорим.

Костик поднял стакан над столом. Андрей не хотел садиться, но снял шапку, присел на скамейку.

— Давай, Гаврилыч. Оставь пока свои дела. Нам их с тобой все равно не переделать. Это вот он, — Костик показал на Андрея, — молодое поколение, что-нибудь успеет еще. А нам был бы хлеб да вот — выпить. Давайте.

И председатель, и Костик стали пить из стаканов. Андрей содрогнулся, не потому, что никогда не пробовал самогон, а мешали мысли. Он думал о лесе, думал, что ему надо сажать лес. Андрей поставил стакан и встал.

— Ты что? Куда? — схватился Костик и вскочил с коника.

— Я пойду, — сказал Андрей. — Мне надо...

— Ну, как маленький, — сказал Костик. — Разговор есть, а он бежать. Ты послушай меня, — он взял огурец, откусил, брызгаясь. — Ты знаешь, кто мы вот все есть? Он, я и ты с нами? Мы — хозяева. Без нас тут никто шага не сможет сделать, поэтому садись и слушай. Гаврилыч тут — а ему надо там что-то.

— Ничего, пускай идет, — выручил Андрея председатель. — Я ему все передал, пускай справляется. Подумай, мальчик, о подводах. Ждать сухой дороги не будем, дня через три-четыре направляй ребят. Едой чтобы запаслись. В три дня только-только обернуться.

— Ладно, — ответил Андрей. — Скажу всем. До свидания. Я

пойду...

Андрей вернулся домой, но за ним пришел сынишка Дашухи, позвал к ним.

На поминки сошлись ближние Захарыча и Дашухи, как-то добрались, узнали об этом, и было много деревенских. На столах Андрей увидел и выпивку, и закуски, и был хлеб. Хлеб был разный, нанесли, кто мог. Люди уже разговаривали. Все вдруг зашумели, когда вошел Андрей, многие стали приглашать его садиться рядом, освобождали места, но он сел рядом с матерью.

Было странно видеть всех за одним столом в такое время и еду, словно в праздник. Андрей вместе со всеми поднял стакан. Мать шепнула ему:

— В поминки не стучаются, сказать что-нибудь надо. Не забудь, тут теперь сироты остались.

Андрей встал, оглядел всех. Почувствовал на глазах слезы, подавил их, выговорил:

— Тетка Даша, это... прости меня. Что надо будет, всегда приходи, рассказывай, не стесняйся. Я буду помогать, и все помогут.

Он не мог больше ничего сказать, замылся. По сторонам заговорили одобрительно о его словах, хвалили и поддерживали. Дашуха поклонилась Андрею за его старания, за то, что он пришел помянуть хозяина. Андрей выпил и сел. Мать стала подкармливать его и что-то говорила то с ним, то с соседками по столу. А потом появились и Костик с председателем. В деревне никого не обойдут ни при свадьбе, ни при поминках, а особенно таких людей, которые вершат надо всеми власть, стоят в руководстве.

14

На пустоши, где решили сажать лес, снег всегда стаивал рано. Место это было припечное, над облесенным склоном балки, но не плодородное. Чернозем, видимо, смыло дождями, открылась глина, лишь низкая метелка вырастала здесь за лето — и скотине взять нечего было. На второй день после распоряжения о посадке леса Андрей выехал с ребятами делать пропашку борозд.

— Куда ты, малый? — говорила Андрею мать. — С ума сошел. Кто в такое время пашет.

— Я ходил, мерял, — ответил Андрей. — Сверху стаяло, на борозду хватит.

— Курам на смех, — стояла на своем мать. — Плуга поломаете, — вся ваша работа будет.

Со всей деревни вышли на пустошь ребята. Андрей поставил

лошадей в сажени от межи и провел первую борозду. За ним пустили другой плуг. Перевернутая отвалами глина лоснилась на солнце. Грачи сразу же налетели, опустились и пошли по межам за пахарями. Под сошниками скрипела мерзлая глина, а на кочках плуг выносило, выбрасывало. Но работу не бросали. Зашли посмотреть на пахарей бабы, собравшиеся в лес за дровами.

— Пашется, — сказала мать Андрея, — а что вырастет, и богу неведомо.

— Сосед, а что сажать-то думают? — спросила Анна.

— За посадкой ехать надо, ответил Андрей. — Вчера председатель распоряжение привез.

— Далек ли ехать-то?

— В Глазуновку. Там где-то питомник, лесничество.

— Ох, так это у дьявола на рогах, Глазуновка, — сказала мать Андрея. — И ты поедешь туда?

— А что делать?

— Своего у нас леса нет? Сходил бы да поглядел, сколько там на полянах березки насеяно. Она как чеснок, берись и дергай, как вот поглубже протает.

— И право, — поддержали бабы.

— Мы тебе в одночасье сготовим посадку. Андрей сходил в лес, попробовал выдернуть из земли березовый стебелёк — тот и вышел, словно капустная рассада. Набрал охапку березочек и отнес на место посадки...

За четыре дня было посажено два с половиной гектара леса. Спало половодье, сошел с полей снег, провяли дороги. Еще досаживали, когда в бригаду приехал председатель. Он искал Андрея, а когда ему сказали, что Андрей с бабами досаживает лес, председатель прискакал на пустошь и стал ругаться, что бригадир своевольничает. Андрей не смог бы постоять за себя. Он не понимал, почему председателю не понравилась его работа. Еще никто и не приступал сажать лес, а ему можно подавать сводку — план выполнен. Но вступились женщины, отчитали Ивана Гаврилыча, и он, обозленный, укатил в правление.

К вечеру Андрею нарочный привез записку. Председатель приказывал в ночь выслать две подводы за посадочным материалом в лесопитомник и пересажать все заново.

Андрей был у дома, когда подъехал нарочный. Он прочитал записку, проводил взглядом верхового, погнавшего лошадь назад, и остался стоять с бумажкой в руке у порога, глядя вдаль. От

Погорельца показались школьники. Андрею представилась дорога в лесопитомник. Дорога еще тяжелая, местами не просохшая; через овраги спадает вода; на речках снесены мосты — переезды вброд. В ночь ребят не отправишь — нет ни хлеба, ни обуви сухой; за день промочили обувь. И пересаживать лес жалко. Все старались, шли на эту работу с радостью, а теперь их труд сочли непригодным, не тем, что надо.

Андрею представилось, как выйдет он на посадки и распорядится выдергивать березочки, а такие же, только с посохшими корнями, с обитой, осыпавшейся с них землей, сажать в те же лунки, приживлять. От обиды, что с ним не считаются, у него навернулись слезы.

«Поеду и откажусь, — решил Андрей. — Пускай ставит кого хочет бригадиром».

Школьники шли медленно. Они всю дорогу баловались, гонялись друг за другом. Андрей позавидовал им. Вспомнилось, как сам ходил в школу, — и вдруг пожалел, что теперь не учится. Если бы у него было за плечами семь классов, он сумел бы поговорить с председателем, не выступил бы так худо на совещании, а если бы еще отходил и десятилетку, то он бы и председателем быть. Он бы советовался с людьми, когда надо что-нибудь сделать, и помогал бы им.

Ребята сошли вниз, под деревню. Андрей взял из сеней уздечку и направился на конюшню за лошадью, чтобы ехать к председателю и отказаться от работы. Утром он хотел начать пахоту, собирался пустить три плуга — и все разбивалось, рушилось.

Когда он поравнялся с домом, Валька уже стоял на пороге.

— Э, Андрюшка, записка тебе! — крикнул Валька и полез в сумку. — От Ирки. — Валька не мог сразу найти записку, принялся перетряхивать книжки и продолжал: — Спрашивала, что ты делаешь. Я хотел почитать, что она написала, да побоялся. Наверно, хочет, чтобы ты пришел. Мы пойдем — у них кино про войну.

Записка выпала на землю. Валька положил в сумку книжку, поднял клетчатый листок и подал брату.

«Андрей, приходи поскорее к нам, — писала Ирка. — Утром будем провозжать брата, а на вечер собираем гостей. Жду тебя. Ирка. Приходи обязательно».

— Ну что, я угадал? — спросил Валька.

Андрей взялся за поводья и направился на Погорелец, забыв о всех огорчениях и намерениях. Он вдруг догадался, что тот

ремесленник и есть ее брат, потому и снег у дома расковыривал. Он разогнал лошадь и понесся наизволок к Погорельцу...

Стаял всюду снег, быстро пошла весна. Зазеленел травой выгон, зацвела ракета и зажелтели распускавшиеся березы. Андрей каждый день ходил на лесопосадки, наклонялся и рассматривал саженцы. На березочках раскрывались почки и мелкие резные листочки расправлялись, росли. Он сравнивал посаженные березки с лесными, — разницы не было, так же распускались березки и на лесных полянах. Андрей ходил радостный. Лесок, росший по склону балки, за войну вырубил, но теперь разрастался новый, посаженный при его участии, посаженный его деревней, а значит, им, Андреем. Он сделал важное дело — посадил лес. То же, что вспахалось и засеялось, казалось ему обычным делом: и пахалось, и сеялось ежегодно, а леса ни при его жизни, ни при жизни его матери не сажались, лишь рубились.

А председатель решил отдать Андрея под суд за невыполнение указаний района и его распоряжений. Он вызвал комиссию. От МТС была агрономша, молодая девушка, двоюродная сестра Ирки. Андрей и встретился с ней у Ирки, когда справляли проводы ее брата. Братом и в самом деле оказался тот ремесленник, которого уборщица назвала Иркиным женихом. Андрею было стыдно за ревность и подозрения, но он скоро догадался, что об этом никто не знает, пережил все в себе, снова подружился с Иркой, а потом познакомился и с ее двоюродной сестрой Лизой.

Когда затеялось дело с комиссией, Лиза приехала к Андрею ранним утром одна. Андрей снова ходил в Погорелец, вернулся под утро и спал. Мать разбудила его тревожно, с причитаниями:

— Доходился, малый, доходился. Приехали по твою душу. Вставай-ка да отвечай, что ты натворил, в чем провинился.

Лиза не пошла в избу, ждала Андрея, сидя в тележке. А ему снился какой-то сон, что-то привиделось страшное, отнимали у него что-то. Ничего не соображая, Андрей оделся и вышел на улицу. Подошел к тележке, подал Лизе руку. Она поздоровалась с прихлопом и сдавила руку до боли, так что он совсем пришел в себя.

— Садись, зятек, — усмехнулась Лиза. — Наделал делов и спит спокойно. Где тут у тебя твой лес?

— Лес за деревней. Он еще не вырос.

— А принялся? — спросила Лиза.

— Как еще растет, — ответил Андрей. — Чего в такую рань

приехала?

— Хозяину твоему так пожелалось, — ответила Лиза. — Что ты там посадил-то? Он говорит — ты полынью занял два гектара, не подчинился указаниям...

— Да врет он! — вспыхнул Андрей. — Березки уже растут. Сам с бабами в лесу дергал.

— Успокойся, чего кричишь, — прервала его Лиза. — В Погорельце-то был?

— Недавно пришел, — улыбнулся Андрей. — Поспать не дала.

— В начальники определился, спать не должен... Сестра моя нравится тебе?

Андрей загорелся от стыда. Он готов был разговаривать о чем угодно, только не об этом. Ирка ему нравилась, но открыться малознакомому человеку было совестно. Лиза — взрослая, может его не понять.

— Чего краснеешь-то? Говори... Ты еще глупый, мальчик, а я тебе скажу свое: не пара она тебе, и ты напрасно страдаешь, не спишь ночами.

Андрей отодвинулся на край тележки, засмотрелся на тень колеса. Спицы мелькали перед глазами и кружилась голова. Забывшись, он невольно потянулся за тенью и чуть не сорвался с тележки.

— Ты что? — спросила Лиза. — Держись, мальчик. Закрутят тебя. Слишком характер у тебя светлый, не годится он здесь. Скажу тебе по секрету. Ирка издевается над тобой. Ей нравится, что ты каждый вечер ходишь к ней за семь километров, а поговорить толком не можешь.

Андрей готов был провалиться сквозь землю вместе с тележкой. Он оглянулся, не слышит ли кто этого разговора, — засмеют потом. Пока-то его считают в деревне самостоятельным, говорят, что из него выйдет человек, что он один такой во всей деревне, в кого только уродился. А Лиза определяет его по-своему, и в ее словах правда.

— Я тебе это затем говорю, чтобы ты понял, что опасное твое дело, мальчик, — продолжала Лиза. — Скажи мне честно: как стал бригадиром, пил с мужиками?

Лиза повернулась к Андрею, остановила на нем взгляд, и он чувствовал на себе этот взгляд, но обернуться к ней лицом не мог, стыдился. Он смотрел все на то же мельканье колесной тени, и перед ним появлялось ее лицо, веснушчатое, с выражением строгой деловитости и все же доброе. Он не смог сразу признаться, что пил

уже не раз.

— Ну что молчишь-то? Было дело?

— Да, — выговорил Андрей и оторвал взгляд от земли.

Лошадь стояла у лесопосадки. Тень от колеса зашла под тележку. Впереди зеленела трава и поверху отливала пожелтью березовый лист.

— Вот и твоя работа, — сказала Лиза. — Посмотрим, за что тебя ругает Гаврилыч.

Лиза спрыгнула с тележки, отвернула лошадь от лесопосадки и ослабила чересседельник.

— Слезай, — сказала она, — не спи. Умеешь гулять, умей и держаться на работе, не раскисай... Идем считать листочки с ветками. Акт будем составлять. Заступить за тебя приехала: не чужой, чай, в родстве теперь...

Андрею казалось, что он устал от Лизиных слов, слишком много она их наговорила, смешала все в одно и ничего не разъяснила толком. Послушать ее, так всего надо бояться, от всего бежать, а по какой дороге бежать, неизвестно.

Он устало спустился с тележки на землю. Все качнулось перед ним. И вдруг жаворонки просыпали песни с неба. Уже была настоящая весна, и ему захотелось броситься на траву, раскинуть руки и смотреть в небо на облака, на жаворонков, смотреть до тех пор, пока от выси не закружится голова и не закроются глаза, пока не сравняется все воедино: и небо, и земля, и птицы, и он.

Лиза ушла по посадке вперед. Она что-то считала и говорила ему, а он ничего не мог ответить.

— Молодец ты, Андрюша, и какой же молодец! — восхищалась Лиза. — Не думала, что ваш Гаврилыч такой дурак... Отлично принялся лес, а он комиссии собирает! За свою шкуру боится, перестраховывается.

— Ругался, что не послал подводы в лесопитомник, — сказал Андрей. — А тут везде свои березки. И клены можно посадить, осенью только надо семян набрать.

— Все можно, Андрей, если своей головой думать да с людьми считаться, не пыжиться, не смотреть на них, будто с колокольни.

Андрей взглянул на Лизу. Все-таки похожа она на Ирку.

— Ну, дорогой, больше нам здесь делать нечего. Поедем встречать комиссию. — Они направились к повозке. Лиза спросила: — Отсеялся полностью?

— Все посеяли, — ответил Андрей. — Картошку сажаем.

— Семена по норме высеяны, следил за этим?

— Следил, — сказал Андрей. — Сам получал — раз только без меня кладовщик вешал.

— Раз все же без тебя? Сосед у тебя мужичок еще тот, с ним надо ухо да ухо: он тебя всяко может провести.

Они ехали через одонья. Дорога за войну поросла осинками. Объезжали полем. Тележку трясло на межах. Впереди поле перехватывал окоп. Частью он был засыпан, а по старой дороге сделан переезд. Лошадь свернула в осинник, и из-под ног у нее вдруг выскочил зайчонок. Андрей спрыгнул с тележки и бросился за ним.

Зайчонок запрыгал перед Андреем, но прыжки его были слабенькие. Если бы он не путал след, бежал бы прямо, Андрей разом настиг бы его. Зайчонок вдруг прыгнул в окоп и пропал из виду. Андрей пробежал вперед и вернулся на то место, где потерял серенький комочек. С обвалившегося бруствера окопа свисала сухая трава. Андрей спрыгнул в окоп и шевельнул траву. Из травы стрелой вылетел серый беглец и по окопу пустился к одоньям. Он выпрыгивал на край окопа и снова сваливался в него. Лиза остановила лошадь перед переездом через окоп. Андрей пронесся за зайчком перед лошадиной мордой. Лиза что-то прокричала, но он не разобрал и погнался зверька к деревне.

Окоп выходил к дороге у избы Семена Дмитриевича. Зайчонок выскочил на дорогу, сделал несколько прыжков и покатился вниз к ручью.

Андрей поймал его под плотиной. Зайчонок попал в ручей, потом в грязь и не одолел обрыва. Когда Андрей брал его, он перевернулся на спинку, фыркнул и с визгом стал отбиваться лапками. Андрей взял его в руки, погладил.

— Глупый ты, косой, вздумал от меня убежать. Боялся? — У зайчонка колотилось сердце, словно оно лежало у Андрея на ладони. — Я тебя не загублю. Сейчас молоко пить пойдешь.

Андрей и сам убрался в грязь и глину. К дому он зашел от пруда, посадил зайчонка в кошелку, нарвал ему лопушков и веток, налил молока. Зайчонок, прижавшись к стенке кошелки, не шевелился. Андрей взял его за уши и ткнул в молоко носом. Красенький язычок мелькнул в заячьей губе.

— А, понравилось, — сказал Андрей. — Вот пей тут, а я на работу отправлюсь.

Подкатила Лиза, остановила лошадь.

— Поймал или нет? — спросила она.

— В плетушке сидит, — ответил Андрей, обтираясь от грязи и

репьев.

— Неужели догнал? Посмотрю.

Лиза подержала зайчонка на руке, посмотрела.

— Злой какой он, — сказала она. — На тебя злится, что в неволю посадил. Оставишь или выпустить?

Андрею жалко было зайчонка. Мать рассказывала, что у них когда-то был зайчонок — отец принес с поля — и вырос большим, жил много лет. Он давно мечтал тоже завести зайца и вот теперь поймал, и выпустать не захотел.

— Ну, пусть растет, — сказала Лиза, посадив зайчонка в кошелку. — Надеюсь, не забудешь потом зайчатиной угостить?

— Не забуду, — улыбнулся Андрей. — А то могу подарить.

— О, нет-нет, — отказалась Лиза. — Ухаживать за ним некому. И кот у нас страшный.

С поля пришла мать Андрея. Она вошла в избу в растерянности. Андрей спросил:

— Что, отсажались?

— Да нет. Слух до меня дошел, что с председателем у тебя что-то заварилось. Верно это?

— Ничего не заварится, — ответила за Андрея Лиза. — Вы, тетя Катя, не беспокойтесь. Лес растет — настоящий. И зайцы в нем уже водятся.

— Да ну, какие там зайцы, — усомнилась мать и подошла к столу. — Не завтракали, верно, Лизавета Игнатьевна?

— Можно и позавтракать, — согласилась Лиза. — Домой не скоро попаду, а кто, кроме вас, покормит?

Хозяйка открыла печную заслонку, достала сковороду с картошкой, поставила на стол.

— Плохо, не понравится, наверно, вам наше кушанье — без хлеба у нас.

— И у нас так же, — сказала Лиза. — Вот она, война, последствия дает. А зайцы-то правда водятся. Поглядите — в кошелке сидит.

— Неужели? — удивилась хозяйка и заглянула в кошелку. — И право, попался чертенок. Как же вы его словили?

— Андрюша поймал, — ответила Лиза. — Я лишь смотрела, как он за ним охотился.

— Надо же — и четыре ноги не спасли окаяннушку. Ну, пускай растет, пускай его. У нас как-то до трех годов прожил...

— Мам, а куда он делся? Ты так и не сказала мне, — спросил

Андрей.

— О, куда-куда? Съели.

— Теперь вырастите другого зайца, — рассмеялась Лиза.

16

Лиза не дождалась председателя, уехала по колхозам. Председатель приехал после обеда, с ним были представители от сельсовета и из района, прикатил лесничий. Лиза уверила Андрея, что ему ничего не будет, но при таком наезде разных людей он снова почувствовал испуг. Он боялся, что его начнут спрашивать, а он не может ничего ответить толком, собьется, как при выступлении.

Андрей пришел с поля и увидел в проулке лошадей, на которых прибыла комиссия. Он не знал, ждут ли его у Костика или зашли к ним в избу. Подумалось, что могут перевернуть кошелку, упустят зайца. Но на сенной двери висел замок, и Андрей успокоился. Он не пошел сразу к соседу, решил прийти в себя, обдумать, что отвечать на примерные вопросы: почему не послал людей в лесопитомник и без ведома председателя посадил березовый лес? И лишь он осмотрелся в избе, у порога заговорили. Голоса были грубые, сильные и властные. Андрей не знал, за какое занятие приняться, как встречать входивших. Он остался стоять у стола, раскрыв невольно книгу.

Они входили в избу долго, казалось, что их целый взвод, как, бывало, в войну входили обогреваться красноармейцы, следовавшие на фронт.

— Посмотрим, как живет бригадир передовой бригады, — сказал председатель сельского Совета. — Ничего, молодцом. Дом в порядке.

Они расселись на лавки, на скамейку. Районный землеустроитель спросил:

— А где сам бригадир-то? Скоро ли покажется?

— Так вот он, перед нами, — ответил Иван Гаврилыч. — Видишь, Андрей, тебя еще и за человека не считают, а ты самовольничаешь. Сейчас приедет агроном, поведешь нас, покажешь, что ты тут посадил.

— Когда она приедет-то? — спросил лесничий. — А то, может, организовали бы перекусить. Товарищи, наверно, с утра из района. Голодные.

— Андрей, мать где? — спросил Иван Гаврилыч. — Сготовила бы она яишенку.

— Мать картошку сажает, колхозную.

— Как, уже сажается картошка? — удивился председатель сельсовета. — Рано, по-моему, начали.

— Своя у всех уже всходит, — сказал Андрей. — Свою не рано...

— Указание председателя вам было? — спросил лесничий.

— Куда там! Он большой стал, указаний моих теперь не ждет, что бабы ему скажут, то он и воротит.

— Бабы не глупее вас, — ответил Андрей.

— Что, что он сказал? — забеспокоился председатель сельского Совета.

— Дураками нас всех считает, — ответил Иван Гаврилыч.

Землеустроитель посмотрел на часы, вздохнул. Вдруг в избу вошла мать.

— О, гостей-то тут сколько наехало! — удивилась она. — Здравствуйте вам. А с угощением, право, беда будет: у меня ни хлебушка, ни сальца нет, да и насчет другого чего трудно.

— Понятно. Придешь, Андрей, к Константину Васильевичу, — сказал председатель. — Мы там будем.

Андрей кивнул, вышел во двор. Погодя немного мимо него прошли один за другим приезжие, направляясь к Костику, Андрей зашел в дом.

— Ничего не сказали? — спросил он у матери.

Чего им говорить. Этот длинный, что из района, оглядел книжки твои и спросил, кто читает их. А я ему: «Сын мой читает: В школу-то не пришлось ему походить, а теперь читает». — «И разбирается, что в них к чему?» Я-то — не падать в грязь лицом — отрезала ему: «Как не разбирается, ай он глупый у меня. Это у кого головы нет на плечах, тот не разберется. Он начитается и мне рассказывает, да как по-писаному режет». Забеспокоился он как-то, пошептался да с лавки — и на улицу. Что хоть у тебя в этих книжках, что боятся их?

Андрей рассмеялся.

— Что, не скажешь матери?

— Что, что. Написано тут разное — и портреты. Карл Маркс. — Андрей раскрыл одну книгу, показал матери портрет. — А в той — Ленин.

— Ну надо ж так. Они, как нечистая сила от ладана, исчезли. И что же это их заставило? Книжки и на папиросы рвут мужики, и печку подтапливают — бумага, а эти-то книжки, видать, не простые.

Андрей сел к столу, взял наушники, но за ним прибежал соседский мальчишка, сказал, что его ждут, велели прийти.

— Понял, — ответил Андрей. — Иди, сейчас и я явлюсь.

— Не грубиянь им там, смотри, — предупредила мать. — Подлаживайся к тому, что тебе велят. Они больше тебя смыслят —

начальники.

— Ладно, — ответил Андрей, взглянул на зайчонка и ушел к Костику.

17

Андрея посадили за стол, учили разуму, послушанию начальству — и о лесе не стали заводить дело, узрели, что он мальчишка с понятием. На первый раз прощается, но впредь чтобы слушался председателя. Он улыбнулся. Всему научили его, а сами и не поехали смотреть лес.

Андрей вышел на улицу, огляделся. Из сеней вышел Костик.

— Малый, ты тут? — спросил он. — Хорошо, что не ушел — дело есть. Отвязывай лошадь, докатим с тобой в одно местечко.

Андрей обрадовался случаю прокатиться. Лошадь лесничего была легкая, тонконогая. А Андрею хотелось пронестись, проветриться, послушать стук колес. Он отвязал лошадь, развернул к дороге.

— В какую сторону едем?

— Давай на Погорелец, потом выгоном, — ответил Костик. — Не кричи, не разговаривай громко. — Он зашептал: — Случаем надо пользоваться, пока лошадь чужая в руках.

Андрей знал дорогу, словно видел ее. Он пустил лошадь под уклон и поехал оврагом к переезду на выгон.

— Какое дело? — спросил Андрей. — Стоит ехать?

— Если бы не стоило, я бы тебя не взял, — погоняй.

Андрей ударил по лошади вожжей, подумал, что славно было бы прокатиться до Погорельца, посадить бы Ирку и привезти ее в свою деревню, показать бы дом, а потом отвезти обратно. Простучали колеса по оврагу; окончилась слобода, и дорога свернула на выгон.

На дороге никто не встретился. На выгоне Костик отобрал у Андрея вожжи и стал править лошадью сам.

— Куда не по дороге-то? — вырвалось у Андрея.

Костик ткнул его в бок. У Андрея перехватило дыхание.

— Уговор был — не кричать? — спросил Костик Андрей не смог ответить, обиделся до слез. Лошадь снова повернула на их слободу. Объехав скотный двор, она свернула на дорогу, потом снова свернула и остановилась у амбара.

— Пошли, — сказал Костик. — Быстро. Андрей соскочил с тележки. Костик открыл замок.

Скрипнула дверь. Из амбара пахнуло прелью, мышьяком.

— Берись за горловину, — скомандовал Костик. — Понесли.

Андрей работал не раздумывая, словно его кто-то подталкивал, не спрашивал ничего у Костика.

— Садись, дуй тем же путем, — сказал Костик. — Свалишь на свой погреб. Потом рассыплем.

— Что это? — спросил Андрей шепотом, теперь тише обычного.

— Узнаешь, когда мать чугуна на стол поставит. Поезжай. Я амбар закрою и к дому, встречу тебя...

Андрей выехал на выгон, остановил лошадь и потрогал мешок, чтобы узнать, что в нем было. К скотному двору прошел дед Маноха, простучал в колотушку. Сторожем до Андрея назначались по двое на ночь, по очереди. Андрей уговорил на постоянное дежурство старика, обещал, что трудодни его будут оплачены, без хлеба он не останется.

«Просо в мешке, — задумался Андрей. — Ворованное. От сева украл. А на поле ничего не взойдет или будет былинка от былинки за версту».

Андрей вспомнил, что просо Костик сам отвесил и ушел из деревни, не дождался его, а сказал, что лишних семь килограммов оказалось. Может быть, и был излишек, и этот мешок был лишний. Костик может сделать и так, но тогда он не хранил бы это зерно в амбаре, давно забрал бы себе один.

Дед Маноха затих у скотного двора. Успели они вовремя побывать в амбаре, а ведь могли бы встретиться со сторожем. Он тронул лошадь и заметил вдруг, что небо стало в звездах, посветлело. Первая вечерняя тьма сошла, рассеялась. Ветерком потянуло с поля, зашумели деревья. Впереди кто-то перешел дорогу.

«Девки на вечеринку подались», — решил Андрей и придержал лошадь.

Ему вспомнились слова Лизы, что с соседом надо держать ухо остро, что он всяко может проведи. Вот и провел. И заставил взять просо на двоих. А что с ним делать? Послать мать на просушку — люди увидят, спросят, откуда взялось у бригадира просо. Кашу есть придется с закрытыми дверями: ворованного никто не должен видеть. Раздумался Андрей и стал ругать себя, что связался с Костиком. Пусть бы один пользовался просом, ел бы пшеничную кашу сам, а ему она не по нраву.

Андрей остановил лошадь у избы Дашухи, постучался в дверь. Ему не открывали. Он постучался решительнее. Послышались шаги за дверью.

«В такую рань ложатся! — подсадовал Андрей. — Никто еще не спит».

— Кто там? — спросила за дверью Дашуха.

— Открой, я... Андрей.

— Что надо?

— Дело есть, — вполголоса сказал Андрей.

— За делом по ночам не ходят, — ответила Дашуха. — Утром приходи.

— Ну, открой же, тетка Даша, — взмолился Андрей.

— Иди-иди, не приставай, — ребят разбудил мне. Какое там у тебя дело?

— Открой, скажу. Не пожалеешь.

— Секреты какие. Иди, малый! — зашумела Дашуха. — Открою да поленом посекретничаю!

Андрей со злости ударил кулаком в дверь и отошел.

Дашуха вдруг закричала на него, обозвала бандитом, пригрозила сказать матери.

У дома плясали девчата. Андрей не мог подъехать и к Костику: там теперь бегали мальчишки; завидят подводу, выбегут навстречу — и не утаишь мешок.

Андрей постоял в раздумье. Отдать Таньке мешок — узнают в деревне. А то и не возьмут, скажут, ворованное. Он вдруг прыгнул в тележку, решительно развернул лошадь и погнал ее на Погорелец.

«Науму Никандровичу отдам, — решил Андрей. — Приеду, скажу, что на кашу привез; Костик прислал на лечение людей».

Андрей успокоился, но лошадь погонял, торопил; пока вечер, не придется будить людей. Думал Андрей и о встрече с Ирккой; прокатит ее потом, как мечтал.

Наум Никандрович не спал. Андрей заглянул в окно, через просвет в шторах увидел его. Он сидел за столом, листал какую-то книгу и делал на листках записи. Андрей помялся. Им снова овладела боязнь. В Погорельце вспыхнул свет, — от движка пустили по домам электричество. И вдруг растворилась дверь, осветило лошадь и Андрея. На крыльцо вышел Наум Никандрович.

— Кто тут приехал? — спросил он.

Андрей решил подойти, оттолкнулся от тележки и шагнул к калитке, заговорил:

— Наум Никандрович, я к вам прикатил. Можно вас на минутку?

— Кто ты? — спросил Наум Никандрович, взглядываясь со ступенек крыльца. — А, Андрей! Заходи, заходи. Рад тебя видеть!

— Сюда можно вас? — спросил Андрей, остановившись у крыльца.

— Какой-нибудь случай? — сразу встревожился доктор.

— Да нет, — улыбнулся Андрей. — Сказать вам надо... — Андрей оглянулся, проговорил: — На кашу вам привез... Куда составить?

— Что ты мне привез? — переспросил доктор.

— На кашу.

— Что на кашу? — не понял Наум Никандрович. Андрей приблизился, поднявшись на ступеньку, потянулся к уху Наума Никандровича, прошептал:

— Про... — в горле запершило, оборвался голос, — проса мешок... вам.

— А ну, мальчик, поднимись сюда. Лошадь у тебя привязана, что ты оглядываешься то и дело?

— Привязана, — ответил Андрей и снова улыбнулся.

Наум Никандрович подвел Андрея под лампочку, заглянул под веки, взял за руку и прислушался, шевеля губами, к пульсу.

— Не пойму, что случилось с тобой?

И снова на лице Андрея разошлась странная улыбка, а на глаза набегали слезы. Он сделал усилие, чтобы сдержать их, не захлюпать, вытянул лицо и проговорил:

— В телеге просо... мешок... вам.

— Да какое просо? — удивился Наум Никандрович. — Стой здесь, посмотрю, что там в твоей телеге.

Наум Никандрович сошел с крыльца, вышел за калитку и остановился у тележки. Андрей не остался на крыльце, вернулся к подводе.

— Так, мешок, — приговаривал Наум Никандрович и словно вспоминал давние слова Андрея: — Просо, значит? На кашу мне?

— Да, просо, — подтверждал Андрей. — На кашу.

— Спасибо, любезный, спасибо.

— Куда его?

— Погоди, дорогой, погоди, — ответил доктор. — Пусть полежит. А мы поговорим пойдем...

— Да нет, надо снести... Я сейчас, это... сам...

— Оставь! — сказал Наум Никандрович. — Откуда оно?

Андрея пронзило слово «попался». Зайчонок по солнечному полю запрыгал перед ним — и жалко стало этого утра, зелени, той радости, с которой он брал в руки зайчонка. Он вспомнил вдруг, как опустил зайчонка в кошелку, и сердце у Андрея сжалось: конец — не выпрыгнуть, не ускакать...

— Наум Никандрович, — выговорил Андрей и заплакал.

— Посадят! — сказал Наум Никандрович. — Восемь лет тому и столько же тебе... хотя, впрочем, ты еще несовершеннолетний. — Наум Никандрович прошелся по комнате и вдруг закричал: — Несовершеннолетний, сопляк, а воровать пошел! Ему доверили зерно, поля, урожай, доверили людей, а он это зерно на кашу — доктору! Вез бы и масла заодно, и меду! С чем мне есть твою кашу?!

— Это Костик, — пролепетал Андрей.

— Костика нет с тобой! Его ты не впутывай. Ты один это сделал. А на амбаре наверняка замок сломанным окажется...

Андрей никогда не думал, что Наум Никандрович может быть таким суровым. Теперь он знал, какие же-стокие слова может сказать этот ласковый человек, может убить словом, четвертовать, зарыть живьем в землю. Но обиды не было.

Они ехали от Погорельца. Андрей держал в руке вожжи и слушал доктора.

— Когда я получил право на практику, — говорил Наум Никандрович, — был со мной такой случай. В одном городишке я был приглашен к больному ребенку. Семья мещанская, а с пышной обстановкой. Мать больного ребенка при мне поменяла серьги, передела с пальца на палец перстни и кольца. Ребенок был болен не слишком серьезно, и мать, видимо, знала это, мало тревожилась, а заботилась больше о том, чтобы блеснуть перед молодым врачом побрякушками. Когда на женщине много дорогих блестящих вещей, они вызывают неприятное чувство... Осмотрел я ребенка, написал рецепт и откланялся. А через два дня, молодой человек, я был взят в участок и обвинен в краже драгоценностей у той самой особы, у которой лечил ребенка. Да, у нее пропало золото, камни... И поэтому допрашивали всех, кто мог быть в доме за последние две недели. Почтальон там, какие-то дети, молодые люди, родственники и знакомые, словом, человек двадцать должны были держать ответ перед следователем. Мне грозило, в случае улики в воровстве, лишение права быть врачом... Но виновных не оказалось. Драгоценности вдруг нашлись. Сама владелица их куда-то запрятала — и забыла. Ну, а допустим, взял бы я это золото, и не только здесь, а брал бы в других домах, где передо мной не красовались, а истинно доверяли мне, — каков бы я был гусь?

Андрей глубоко и покаянно вздохнул.

— Надо помнить и еще об одном, Андрей. Человеку с жизнью дается свобода. Так надо беречь ее, а не губить. Свобода радуется, а ее

губят...

Андрей оставил мешок за огородами, где была распахана под горох земля, и направил лошадь в деревню. Он привязал ее у скотного двора, поручив под охрану деду Манохе, и вскоре с Наумом Никандровичем направился к Костику.

По дороге взглянул на амбарную дверь. Замка на ней не было.

— Ну, Андрей, если здесь хранилось что-нибудь кроме проса, то дело окажется сложнее, чем я думал. Он мог еще что-то взять, а ты будешь виновником. Впутался...

— Нет, Наум Никандрович, только просо и оставалось, — сказал Андрей. — Есть свидетели...

Костик дверь не открыл. Жена ответила, что он ушел с лесничим и не вернулся, где-то ночует...

Утром просо было рассеяно. Наум Никандрович сходил в правление, вернулся с Иваном Гавриловичем. У Костика были отобраны ключи от амбаров, назначена ревизия...

Прошли годы, многое забылось, стало мелочью, а лес, посаженный Андреем, рос, поднимался с каждым днем выше и выше. И когда Андрей стал солдатом, мать писала ему: «...а еще сообщаем, что лес твой растет. Летом ягод в нем много было и грибы собирали. Все тебя вспоминают и ждут, когда ты отслужишься...»